

Маргарита
Кирова

ПОХОТЛИВАЯ
ЭЛЬФИЙКА
УШКАМ не хозяйка

18+

Маргарита Кирова

**Похотливая эльфийка
ушкам не хозяйка**

«Автор»

2026

Кирова М.

Похотливая эльфийка ушкам не хозяйка / М. Кирова — «Автор»,
2026

Я мечтала о новой жизни, горячих мужчинах и приключениях без обязательств. Вселенная услышала. И выдала мне тело рыжей эльфийки с невероятно чувствительными ушами, которые предательски выдают каждое неприличное желание! Теперь я — Ника, попаданка с роскошной фигурой, магическим слухом и полным отсутствием тормозов. Вот только прежнюю хозяйку моего тела разыскивают за кражу опасного артефакта. За мной охотятся, а невыносимо правильный красавчик Лорен Вейр требует соблюдать правила. Особенно те, которые мне хочется нарушить в его спальне. А ещё есть соблазнительная эльфийская певица, магические клятвы и заговор, способный лишить целый город свободы воли. Я собиралась наслаждаться второй жизнью, а не спасать мир! Но самое страшное даже не это. Настоящая хозяйка моего тела жива. И однажды нам придётся решить, кому достанется эта жизнь. А как быть с теми, кого я уже успела полюбить?

© Кирова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. НОВАЯ ШКУРА, СТАРЫЕ ПРИВЫЧКИ	5
Глава 1. В Питере тоже бывают порталы	5
Глава 2. Уши — не повод для паники	9
Глава 3. Зарплату — сегодня, свободу — немедленно	12
Глава 4. Новое тело требует инструкцию	15
Глава 5. Палата, где проверяют слова	18
Глава 6. Как не спасти трактир и случайно его спасти	21
Глава 7. Гулять — так до утренней головной боли	24
Глава 8. Подвал с дурной акустикой	27
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ГРЕХИ БОЛЬШОГО ГОРОДА	30
Глава 9. Никого не продаём, даже если очень просят	30
Глава 10. Саэль поёт не за комплименты	33
Глава 11. Гранн возит не только табак	36
Глава 12. Благотворительность со вкусом сахара	39
Глава 13. Как молчат чужие уши	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Маргарита Кирова

Похотливая эльфийка ушкам не хозяйка

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. НОВАЯ ШКУРА, СТАРЫЕ ПРИВЫЧКИ

Глава 1. В Питере тоже бывают порталы

— Ника, ты же не бросишь меня одну?

Я посмотрела на мокрую тряпку в своей руке. Потом на Галку, которая уже стояла в куртке у служебного выхода, с ключами от машины и лицом человека, придумавшего очень убедительную причину исчезнуть.

— Галю, у тебя четыре руки? — спросила я.

— Что?

— Ну, если четыре, тогда одну пару можешь оставить здесь. А сама езжай. Я всё за тебя домою.

— Не начинай. У меня ребёнок.

Её «ребёнок» учился на третьем курсе и жил отдельно, но спорить об этом было бесполезно. Мы и без того проторчали на смене до половины второго. Последний именинник ушёл час назад, уведя за собой девушку в блестящем комбинезоне и не заплатив за разбитый бокал. Я хотела домой, в душ и в кровать. Если совсем повезёт — в кровать без сообщений от бывшего.

— Ладно, — сказала я. — Только в следующий раз...

— Сочтёмся! Обожаю тебя!

Галка исчезла прежде, чем я успела уточнить, сколько «следующих разов» помещается в одном человеческом существовании.

За окном кафе лежал мокрый Петербург. Было первое октября, но погода уже неумело изображала март: серые фасады, грязные лужи, дождь, от которого не спасала даже остановка. Я собрала бокалы, разлила остатки вина по бутылкам для списания и поймала себя на странной мысли: мне двадцать три, а самый устойчивый роман в моей жизни — с ведром для мытья полов.

Телефон зажужжал. Бывший.

«Можем нормально поговорить?»

«Нет», — напечатала я.

«Ты всегда всё усложняешь».

Это мне писал человек, который полгода встречался одновременно со мной и со своим представлением о свободных отношениях, забыв сообщить мне об этом.

Я выключила экран. Зажужжало снова. Хозяйка квартиры напоминала, что платёж надо перевести до понедельника. А понедельник, как подсказывала жизнь, уже приготовил мне отдельное ведро.

В два ночи к стойке заглянул Дэн, повар. Он принёс тарелку с остатками пирога, от которых именинник отказался, и устало опустился на соседний стул.

— Тебе завтра во сколько? — спросил он.

— В двенадцать. Если Галка опять не попросит поменяться.

— Не соглашайся.

— Сказал человек, который шестой день готовит вместо Мишки.

Дэн задумался над пирогом. Потом вынул из середины клубнику и протянул мне.

— Потому и говорю. Мы тут все друг другу хорошие, пока кто-нибудь не попросит остаться на ещё одну смену.

Слова Дэна задели именно потому, что он говорил спокойно и был прав. Меня легко уговаривали, стоило нажать на нужные кнопки: быть полезной, не подвести коллектив, не прослыть сложным человеком. Бывший тоже этим пользовался — просил «не устраивать сцен», когда приходил поздно, потому что у него, видите ли, тяжёлый день.

— Вот представь, — сказала я, отодвигая клубнику, — у тебя появляется вторая жизнь. Никто тебя не знает. Можно всё начать сначала. Что бы ты делал?

— Спал, — ответил Дэн.

— В смысле?

— Месяц. В тишине. Без чьих-нибудь просьб приготовить блюдо вне меню.

— Господи, как жалко мы мечтаем.

— Ника, у меня триста заказов в пятницу. Жалко — это когда мечтаешь о выходном, а не получаешь и его.

Я погладила край тарелки. За кухонной дверью кто-то хлопнул холодильником. На улице завывал ветер. Жизнь была обычной до скуки. Бар я не ненавидела, здесь у меня даже были дорогие люди. Только собственное время каждый день доставалось кому-то ещё, а моим желаниям — остатки вроде этой клубники.

— Знаешь, что я сделаю в свой нормальный выходной? — заявила я.

— Поспишь?

— Куплю красивое платье, пойду танцевать и познакомлюсь с кем-нибудь таким, чтобы даже вспоминать было неприлично.

— Красивое платье после оплаты аренды не купишь.

— Вот поэтому ты мне не нравишься как предсказатель будущего.

Дэн улыбнулся, встал и забрал тарелку. Перед дверью остановился:

— Только смотри, чтобы все твои «хочу» снова не превратились в чью-то чужую работу. У тебя талант спасать людей, которые об этом не просили.

Я показала ему язык. Он ушёл, а я ещё минуту стояла у мойки, пытаюсь понять, с каких пор даже шутка о свободе звучит как невыполненное обещание.

В половине третьего я наконец закрыла бар, накинула куртку и вышла. У Обводного пахло мокрым бетоном, бензином и водой из переполненных ливнёвок. В пакете болталась коробка с несъеденным десертом: за него расплатился именинник, решивший, что я «сегодня слишком серьёзная для такой симпатичной девочки».

— Хотя раз бы сделать что-то исключительно для себя, — пробормотала я. — Напиться в дорогом баре. Уехать к морю. Поцеловать кого-нибудь без объяснительной записки...

Пакет внезапно дёрнулся. Мне показалось, что ручка зацепилась за ограждение стройки, и я потянула. Под подошвой хрустнуло.

Сначала ушёл асфальт.

Провалился буднично, с треском старой кухонной табуретки. Пакет исчез первым. Я успела подумать, что торт, похоже, всё-таки оплатили не зря. Следом ушла я.

Меня ударило плечом о что-то твёрдое. Куртка задралась, холод хлестнул по спине. Я закричала, но вместо эха услышала тонкий многоголосый звон. Так в банкетном зале звенели бокалы, если кто-то слишком сильно задел тележку с посудой.

Никаких бокалов здесь не было.

Когда падение закончилось, я лежала лицом в мокрой траве и чувствовала, как по шее ползёт муравей. Во всяком случае, надеялась, что это муравей. Сверху шумели листья.

Я медленно подняла голову.

Вокруг был лес. Не сквер, не забытая посадка за торговым центром, а настоящий лес: огромные серые деревья, корни шириной с велосипедную дорожку, густой туман над землёй. Рядом валялась расколотая каменная плита с зеркальной поверхностью. В трещинах ещё бегали бледные огни.

— Прекрасно, — сказала я и попробовала сесть.

Голос оказался моим и одновременно чужим — чуть ниже, с непривычными гласными. Я прижала ладонь к горлу. Пальцы были тонкими, длинными, ногти аккуратно подпилены. Я была в дорожном плаще из плотной ткани и сапогах до колен, а на запястье болтался кожаный браслет.

Я помнила чёрные джинсы, дешёвые кроссовки и дырку в правом носке. Между ними и этим плащом явно произошло что-то, о чём меня забыли предупредить.

Ветер шевельнул волосы. Они съехали на лицо тяжёлой рыжей прядью. Я откинула её и задела что-то острое у виска.

Боль была настоящей.

— Ай! Да что...

Я ощупала голову. В том месте, где у людей полагалось находиться уху, тянулся длинный упругий кончик. Он дрогнул под пальцами. Я схватилась за другой. Тот тоже дёрнулся.

— Мать твою.

Ветка хлестнула по плащу, и новые уши повернулись к ней сами, как две независимые антенны.

Я попятилась от дерева. Попасть в больницу после провала асфальта было бы нормальным развитием событий. В коме можно увидеть всякое. Но в коме у меня обычно не болели пятки от камней, и я не слышала, как где-то далеко вода капает в пустую раковину. Хотя здесь не было никакой раковины.

За кустами треснула ветка.

— След от зеркала должен быть здесь, — произнёс мужской голос.

Смысл пришёл раньше, чем я успела испугаться незнакомой речи. Звуки не походили ни на русский, ни на английский, а я всё равно понимала их без перевода — сразу, целыми фразами.

— Девчонку найдём, заберём бумагу, — ответил второй. — Остальное по договору.

— По какому договору? Нам приказали доставить её живой.

— Так и доставим. Целой, клянусь.

На слове «клянусь» между деревьев звякнуло. Я физически ощутила неверную ноту. Как если бы музыкант взял фальшивый аккорд прямо у меня возле уха.

Я пригнулась. Мужчины вышли на поляну — двое в кожаных жилетах, с короткими мечами. Третий отстал и сердито стаскивал сапог с корня.

— Госпожа Норэн! — крикнул первый. — Выходите, вам ничего не грозит.

Снова этот противный звон.

«Госпожа Норэн» — это, по всей видимости, я. По крайней мере, другого человека с рыжими волосами за кустом не наблюдалось.

Я сдвинулась влево, стараясь обойти их, но сапог наступил на сухую ветку. Она громко хрустнула. Все трое повернулись.

— Вот она!

— Ребят, — сказала я, поднимая руки, — давайте спокойно. Я могу объяснить...

— Зеркало где?

— Разбилось. У меня тоже были планы на вечер, между прочим.

Ближайший шагнул ко мне, протянул руку. Я отскочила. Он рассмеялся, и раздражение вспыхнуло так резко, что весь лес наполнился натянутыми струнами.

— Руки убрал!

Собственный голос ударил в виски. У мужчин одновременно звякнули пряжки, сорвались с веток птицы. Один схватился за ухо, другой согнулся, будто его ударили по голове. Я сама осела на колено — от шума перед глазами пошли белые пятна.

— Ведьма! — прохрипел кто-то.

В целом замечание было не лишено оснований. Только выяснять это вместе с вооружёнными мужиками я не собиралась.

Я побежала.

Не знаю, сколько времени прошло. Я спотыкалась, цепляла плащом сучья, однажды скатилась по откосу, оставив на нём половину своей гордости. Потом услышала тележные колёса и выбралась к дороге. Над деревьями начинало светлеть.

На указателе стояли слова, написанные незнакомыми знаками. Я прочитала их без малейшего усилия:

«Риавель — два перехода».

— Вот и хорошо, — сказала я указателю. — Ты хотя бы объясняешь, куда идти.

Постояла, прислушалась к удаляющимся крикам в лесу и двинулась по дороге. Уши, проклятые предатели, вертелись отдельно от головы.

Глава 2. Уши — не повод для паники

На постоялом дворе мне продали воду за две медные монеты. Во всяком случае, попытались.

— Я вам потом переведу, — объяснила я торговцу, ощупывая пустые карманы. — Или наличкой. У вас карты принимают?

Он посмотрел на мои сапоги. Потом на плащ. Потом поверх моей головы куда-то в сторону ворот.

— Благородная госпожа шутит, — сказал он.

— Благородная госпожа хочет пить. Желательно до того, как умрёт от обезвоживания.

— У вас кольцо. Я приму его.

Кольцо нашлось во внутреннем кармане: тонкий серебристый ободок с тёмным камнем, на поверхности которого были вырезаны крошечные чёрточки. Я держала его двумя пальцами, чувствуя, что продавать чужую вещь неправильно. Но жажда была убедительнее моих моральных принципов.

— Сколько стоит?

— Медяк, может, два.

В ушах резко кольнуло.

— Да ладно, — сказала я. — А меня ещё лысой назови. Вон тот ваш кувшин сколько стоит? А целая лошадь? Вы серьёзно хотите дать за серебро два медяка?

Продавец нахмурился.

— Могу предложить четыре.

— Предложите шесть и два завтрака. Если обманете, расскажу всем, что у вас вода из канавы.

— Она из колодца!

На этом слове ничего не звякнуло. Прекрасно. Я только что открыла встроенный детектор клэвта и была достаточно умна, чтобы использовать его в торговле водой.

Через десять минут я вышла с мелочью, хлебом, сыром и смутным ощущением, что кольцо стоило гораздо больше. Неудивительно: образование бармена редко включает оценку эльфийских драгоценностей.

До города пришлось идти почти час. Я быстро выяснила, что дорожная обувь Эллиры добротная, зато ноги у новой хозяйки, то есть у меня, прекрасно умеют натирать мозоли. На развилке я присела на бревно, попыталась разобраться с завязками сапога и услышала, как сзади приближается повозка.

Повозкой правил старик с тяжёлым лицом и маленькой бородкой. Рядом сидел мальчишка лет двенадцати с корзиной яблок. Они остановились не сразу. Сперва мальчишка долго рассматривал мои уши, потом ткнул старика в локоть.

— Дед, гляди, госпожа из Верхней Роши.

— Сам вижу. Госпожа, до города идёте?

— Если город по этой дороге, то да.

— Садитесь. Заодно скажете, как вам наши яблоки. В лесу нынче урожай плохой.

Я уже приготовилась сказать, что путешествую одна и помощь мне не нужна. Потом посмотрела на сапог, от которого натёртая пятка болела всё сильнее, и забралась в телегу. Мальчишка немедленно сунул мне яблоко. Я хотела заплатить, но старик покачал головой.

— За одно денег не берут. Особенно с тех, кто выглядит так, будто ночевал на земле.

Я подавилась кусочком. Мальчик спросил, не ограбили ли меня: плащ в листьях, на рукаве кровь. Я объяснила, что упала с высоты. Он вообще не удивился — только поинтересовался, умею ли летать и сколько стоил полёт.

— Очень дорого, — ответила я. — Почти всей прежней жизнью пришлось заплатить.

Старик покосился на меня, но расспрашивать не стал и заговорил о городской ярмарке, въездной пошлине, мелкой краже на пристани и лекаре, который лечит уши дешевле эльфийских специалистов.

— А что, уши часто ломают? — встревожилась я.

— Если не лезть в городские колокола с чужой магией, нечасто. Молодые слухачи вечно хотят разбирать все клятвы подряд. Потом неделю жалуются, что их пугает стук ложки.

Меня пронзило любопытство. Я хотела спросить больше, но мальчишка полез за вторым яблоком и вывалил на дорогу половину корзины. Мы остановились собирать. Старик ругался, мальчишка оправдывался, я ползала по траве и думала: первое дело в новом мире — чужие яблоки, которые нельзя оставить в грязи. Очень по-земному.

У городских ворот я попрощалась с ними. Мальчишка предложил взять меня к себе на работу продавать яблоки: «Ты смешная, люди купят». Старик сказал, что с моими ушами стоило бы разобраться в Палате, прежде чем устраиваться к кому попало.

Я сказала, что уже всё продумала, и они не поверили. Абсолютно справедливо.

Риавель обнаружился за холмом. Башни, крыши из красной черепицы, река, набережная, тесные дома с балконами. По мостовой шли гномы с сумками, люди в кожаных куртках, высокий зеленокожий мужчина в яркой жилетке. Я пялилась так откровенно, что зеленокожий остановился.

— Что?

— Ничего. Жилет классный.

— Жена сшила, — с гордостью сообщил он и пошёл дальше.

Я почти рассмеялась. Новая жизнь! Настоящие эльфы, гномы, магия. Ни бывшего, ни Галки, ни коммуналки на троих. Моё воображение уже рисовало пышные платья, вино в серебряных кубках и развлечения до рассвета. Желудок прервал эти планы довольно невоспитанным урчанием.

Вывеску «Третья кружка» я нашла по запаху жареного лука. Внутри было жарко и шумно. Кухарка с толстыми косами ругалась с парнем, который пытался пронести к стойке курицу, ещё не признанную готовым блюдом. За стойкой возвышалась широкоплечая гномка с седыми прядями в рыжих волосах.

— У вас работа есть? — спросила я.

— Какая?

— Любая. Я умею готовить напитки, разнимать пьяных и улыбаться посетителям так, чтобы они давали чаевые.

— А платить за комнату?

— Пока не умею.

Гномка смерила меня взглядом.

— Тогда хочешь заработать — мой столы. Потом поговорим.

Я чуть не послала её куда подальше. Из прежней жизни я сбежала не затем, чтобы в новой опять драить мебель. Запах супа победил гордость.

— Меня Ника зовут.

— Корда. Если разобьёшь что-нибудь — будешь Ника Должница.

Первый же стол оказался занят тремя грузчиками. Один вцепился другому в воротник и требовал вернуть серебряник, третий пытался вынести свою кружку вместе с их столом.

— Господа, — сказала я, — если собираетесь драться, то за углом. Там воздух свежее, и мебель не моя.

— Не лезь, рыжая.

— Да я бы с радостью. Только мне потом кровь с дерева оттирать.

На меня уставились все трое. Один вдруг рассмеялся, другой отпустил воротник, а третий спросил:

— Скидку за неудобства дадут?

— Конечно, — машинально ответила я. — Дадим вам скидку на следующий скандал.

Корда услышала только слово «скидку». Через минуту грузчики возмущённо требовали бесплатного пива, а я пыталась объяснить, что подобная акция не согласована с руководством. Кончилось тем, что меня отправили на кухню чистить картошку.

— Ты умеешь работать с гостями? — спросила Корда сквозь зубы.

— Я ещё не привыкла к местной системе мотивации.

— Местная система простая: если у тебя есть рот, им можно не только шуметь.

— Принято.

Вечером гномка выдала мне миску густой похлёбки и показала маленькую комнату под крышей. На второй кровати сидела девушка в рабочем фартуке. Перед ней лежали провода, медные кружочки и крошечная линза.

— Агата, — представилась она, не подняв головы. — Если споткнёшься о мою сумку, я тебя прибую.

— У нас здесь все такие гостеприимные?

— Корда тебя взяла? Тогда, наверное, да.

Девушка протянула мне тонкую курительную палочку, похожую на свёрнутый лист. Я поколебалась всего секунду. В Питере я курила только на нервах, но сейчас нервы заслуживали собственного памятника.

— Это что?

— Мягкий красный табак. Не трогай синюю упаковку, там крепче.

Я затаилась у открытого окна. Дым оказался сладковатым и щипнул горло. Уши перестали так болезненно ловить каждый шорох в здании. Из кухни донеслась ссора, но теперь её можно было слушать, не желая сунуть голову в бочку.

— У тебя серьга интересная, — заметила Агата. — Печать Норэн. Где достала?

— В комплекте с ушами.

Она наконец подняла глаза.

— Знакомая шуточка. Эллира тоже так отвечала.

— Какая Эллира?

— Эллира Норэн. Ты с ней родственница?

От имени по спине пробежал холод. Я вспомнила, как мужчины в лесу называли меня госпожой Норэн.

— Возможно, — осторожно сказала я. — У нас большая семья.

— Странно. Она вчера пропала. С зеркалом из Палаты Клятв. Её ищут.

Агата вернулась к линзе. Я сидела с табачной палочкой в руке, и до меня наконец дошло: у этого тела была жизнь до меня. Долги, враги и люди, которых я совсем не знаю.

Снизу гулко ударило, словно кто-то выронил металлическую бочку в пустом подвале. Уши рванулись вниз. Я схватилась за них.

Корда появилась в дверях с ключом размером с мою ладонь.

— В подвал не ходи, — сказала она, глядя на меня.

— Я даже не спрашивала.

— Так и не начинай.

Она спустилась по лестнице. Через мгновение снизу щёлкнул тяжёлый замок.

Глава 3. Зарплату — сегодня, свободу — немедленно

Утром я получила жалованье: пять медяков и одно замечание за неправильную расстановку кружек.

— Вы их по алфавиту ставите? — спросила я Корду.

— По размеру.

— А чего тогда начинаете с самой маленькой?

— Потому что она не выдержит веса большой, умница.

Ладно. Мир магический, физика прежняя.

Я пересчитала монеты и почувствовала почти забытый азарт. Передо мной лежала целая новая жизнь, в которой никто не знал ни моих промахов, ни того, сколько раз я обещала себе быть благоразумной. Можно было купить красивую рубашку. Или две. Можно было отправиться в баню, заказать пирог и выпить вина. Можно было подойти к первому понравившемуся парню и не придумывать предлог.

К обеду я потратила четыре медяка и половину пятого.

Сначала купила короткий зелёный жилет с вышивкой, который замечательно сидел на новом теле. Потом туфли — и через пять минут вернулась менять их на ботинки: здешнюю мостовую явно проектировал враг женских лодыжек. Затем неизвестную настойку в крошечной бутылочке. Она пахла ягодами, горела на языке и к необходимости не имела никакого отношения. Поэтому я, конечно, купила две.

В общественных банях меня больше всего удивило, что никого не удивляли тела. Полные, худые, покрытые шрамами, татуировками и рисунками чар. Женщины спорили о стоимости мыла, мужчины возле соседнего бассейна обсуждали цены на рыбу, пожилая эльфийка ругала сына за несвоевременные письма. Я разглядывала интересные лица, а собственные уши, подлые создания, разворачивались вслед за каждым особенно привлекательным голосом.

— Они у тебя сами так? — спросила соседка, обтираясь полотенцем.

— К сожалению, да.

— Красиво. Муж моей сестры тоже эльф. По его ушам видно, когда он врёт о рыбалке.

Неподалёку стояла девушка с короткими синими волосами. Я улыбнулась ей, получила улыбку в ответ и подошла знакомиться.

— Как тебя зовут?

— Вея.

— Ты сегодня свободна?

— Нет, у меня свидание.

Она поправила ремешок сумки и улыбнулась так спокойно, что отказ даже не пришлось пережёвывать.

— Счастливица та, к кому идёшь.

— Счастливец, — поправила она и подмигнула.

— Тогда он тем более счастливец.

Разошлись мы довольные друг другом. Никакого землетрясения после отказа не случилось. Даже обидно — я готовилась к большей драме.

После бани я задержалась у ряда лавок с украшениями. Здесь продавали серьги для ушей любой формы, защитные кольца от шума, цепочки и небольшие серебряные накладки. Продащица, пожилая эльфийка с тёмными пятнами на руках, сразу определила, что я ничего не понимаю в новых возможностях собственного тела.

— Не дёргай так, — сказала она, когда я попыталась проверить, как сидит клипса. — Сустав у основания тонкий. Будешь постоянно тянуть — воспалится.

— Да я и так их почти не трогаю. Они сами по себе живут.

— А кому приказываешь? Эльфийское ухо слышит раньше, чем голова решит, нужен ей звук или нет. Зато замечает приближающуюся беду.

— Пока что моё замечает привлекательных людей.

Продавщица рассмеялась, отложила клипсу и достала простые повязки из мягкой ткани. Она объяснила, что ушей стесняются многие молодые эльфы, только причины разные. Кто-то не хочет показывать страх, кто-то — смущение, кто-то краснеет из-за собственного громкого голоса. От этого мне стало немного легче.

Повязки я так и не купила: надолго застряла у колец для торжественных случаев и представляла, как войду в прекрасный зал и буду выбирать, с кем танцевать. Продавщица смотрела на меня с терпением человека, повидавшего десятки таких мечтательниц.

— Для чего тебе всё это? — спросила она.

— Хочу прожить жизнь как следует.

— Тогда лучше начни с еды и тёплых носков. Праздники сами найдутся.

На соседнем рынке я купила жареные каштаны, которые терпеть не могла в Петербурге; здесь они почему-то оказались вкуснее. Встретила молодых людей в форме городской школы магии. Один попытался угадать мой род по длине ушей и сильно смутился, когда выяснилось, что я понятия не имею, о чём он говорит. Я не стала изображать всезнайку, попросила объяснить.

Они рассказали о слухачах, клятвенных певцах и заклинателях металла. Одна девушка показала простую игру: ударила по медному кружку, и звук застыл над её ладонью. Я повторила движение, но у меня вместо красивой ноты получилось короткое неприятное шипение. Все засмеялись. Девушка засмеялась беззлобно и просто показала ещё раз.

— Ты напряжена, — сказала она. — Силой звук не заставишь держаться. Надо поймать правильный момент.

Я попробовала снова. Кружок отозвался красивым тихим звоном, но на этом достижения закончились. Ребята пожелали удачи, а я пошла дальше с детским удовольствием от нового умения. Здесь можно было учиться не ради диплома или начальника — из любопытства. Даже ненужные ботинки перестали казаться такой уж глупой покупкой.

К концу дня денег едва хватало на ужин. Я пообещала себе быть осторожнее с покупками. Потом увидела вывеску шумного кабака и постановила, что один бокал — не трата, а культурное исследование.

Вечером я оказалась в «Красной рыбине», кабаке на берегу. Там играли в кости, ругались из-за ставок, курили ароматный табак и громко пели так плохо, что даже мне с моим неискушённым слухом хотелось временно оглохнуть. Двое мужчин купили мне выпить. Одному я честно сказала, что его борода красивее разговора. Он обиделся, потом рассмеялся. Второй предложил показать ночной город, но прежде чем я ответила, меня отвлёк звон.

За соседним столом улыбочивый тип в бархатном сюртуке держал перед молодой женщиной круглый медальон.

— Абсолютно безопасная вещь, — уверял он. — Услышите лишь то, что сами хотите. Клянусь.

Противный тон царапнул мои уши.

Женщина, похоже, собиралась отдать ему последние деньги. Я вспомнила клиента из Питера, который однажды убеждал студентку, что коктейль за четыре тысячи «вообще без алкоголя».

— Эй, бархатный, — сказала я через два стола. — Если товар безопасный, чего у тебя голос звенит, как битая тарелка?

Он обернулся.

— Мы знакомы?

— Не дай бог. А девушка пусть почитает, что подписывает.

— Здесь не нужна подпись, госпожа. Достаточно согласия.

— Тогда пусть согласится не покупать, раз всё так просто.

Посетители зашумели. Женщина убрала руку от медальона. Продавец вскочил, зацепив стулом скатерть, и исчез через боковую дверь. Я была настолько довольна собой, что заметила высокого мужчину рядом лишь после того, как он забрал со стола оставшийся жетон.

— Вы серьёзно? — спросил он.

— Обычно да, когда пытаются надуть людей. А вы кто, друг бархатного?

— Нет. Я следил за ним два дня.

У него были тёмные волосы и усталое лицо; под глазами залегли серые тени, а между бровями осталась складка, которая не разглаживалась даже в покое. Медальон он держал двумя пальцами за край, осторожно, без привычной уверенности.

— И вы его упустили, — продолжил он. — Вместе с книгой продаж.

— Простите, что испортила вашу потрясающую операцию. Я не заметила вывеску «Не мешать: ведётся слежка».

Его лицо не изменилось, но взгляд стал внимательнее и холоднее. Так было неприятнее.

— Вы слышали неверную клятву?

— Услышала, что он врёт.

— Это разные вещи.

Он переложил жетон из одной руки в другую с терпением человека, которому снова приходится объяснять очевидное.

— Спасибо. А я думала, они близнецы.

— Ваше имя?

— Зачем? Штраф выпишете?

— Если потребуете.

Я протянула руку к медальону, но он не отдал.

— Имя, — повторил мужчина.

— Ника.

— Ника...

— Просто Ника. А вы?

— Лорен Вейр. Договорник.

— Поздравляю с профессией, господин Договорыч.

Он едва заметно сморщился. Только сейчас я разглядела строгую линию его губ; без постного выражения лицо наверняка было бы гораздо приятнее.

— Договорник, — поправил он. — Не чиновник и не надзиратель.

— Тогда почему допрашиваете?

— Потому что на жетоне печать Норэн.

Он развернул медальон. На обратной стороне я увидела знакомый знак с серьги. От веселья осталось немного.

— Может, это известная торговая марка, — предположила я.

— Может. — Лорен убрал жетон в платок. — Завтра явитесь в Палату Клятв. Если вы умеете слышать подобное, вам есть о чём рассказать.

— А если у меня планы?

— Тогда, — произнёс он ровно, — позвольте надеяться, что ваши планы не включают очередного побега торговца с доказательствами.

Он ушёл. Я заказала ещё один стакан, но пить не стала: одной мысли о серебряном жетоне хватало, чтобы испортить аппетит.

Глава 4. Новое тело требует инструкцию

— Я тебе обещала починить жилет, а не объяснить весь мир за одно утро, — сообщила Агата, стараясь попасть ниткой в иголку.

— Тогда начни с простого. Почему на меня смотрят так, будто я украла собственную голову?

— Потому что у тебя печать Эллиры Норэн, её лицо и её манера держать плечи. А три дня назад она, по мнению Палаты, стащила зеркальную пластину из архива. Так достаточно просто?

Я положила перед ней порванный рукав. После кабацких приключений он держался на честном слове и случайной булавке.

— А если у меня память пропала?

— Тогда ты очень удачно помнишь, как спорить о деньгах.

— Это врождённое.

— Понятно. Передай ножницы.

Я села на подоконник и осмотрела руки. Новое тело было проворным, тренированным, с плотной мозолью на среднем пальце. Эллира явно много писала. Старая хозяйка любила удобную обувь и носила в плаще инструменты, значение которых я не понимала. Меня ужасно раздражало ощущение, что кто-то оставил мне чужую квартиру вместе со всей мебелью, только инструкцию к дверному замку унес.

Утром, до назначенного часа в Палате, я заперлась в комнате. Вытащила из волос шпильки, распустила тяжёлые пряди, расстегнула жёсткий воротник. Новый слух позволял различать, как по соседству Корда бранилась из-за подгоревшего пирога, а за стеной тёк кран. Пальцы скользнули к уху — и оно отозвалось таким острым щекотным ощущением, что я захихикала в пустоту.

— Ненормальная конструкция, — сказала я. — Для чего вам такая чувствительность?

Я вспомнила баню, заинтересованные взгляды, короткий разговор с Веей и собственное желание наконец не оправдываться за то, что мне кто-то нравится. Наедине с собой мне не пришлось изображать опытную соблазнительницу. Я просто училась чувствовать тело, которое досталось мне чужой волей. Это было одновременно радостно и странно. Особенно когда в голове возникал вопрос: а где сейчас человек, для которого всё это было привычным?

Следующий час я превратила в настоящий экзамен. Агата принесла тетрадь и попросила записывать, какие звуки мешают больше всего. Я сначала запротестовала: если уж мне выдали магическое тело, почему нельзя получить к нему хотя бы встроенную инструкцию? Она ответила, что с её алхимическими приборами дело обстоит точно так же, и отказалась сочувствовать.

Мы открыли окно. С улицы тянулись десятки звуков: железные обручи колёс, голос торговли овощами, крик ребёнка, скрип вывески, тихое щёлканье часов у часового мастера. Мой слух ухватил всё одновременно. Через пять минут я схватилась за голову.

— Поняла. Мир раздражает.

— Мир не обязан говорить тише, чтобы тебе было удобно, — заметила Агата. — Найди один звук.

Я выбрала часы. Сначала их стук тонул в остальных звуках, потом отделился от них. Я различила даже крошечную задержку между двумя зубцами механизма. От восторга захотелось немедленно сообщить всему городу, что я слышу часы изнутри.

— Получается! — воскликнула я.

— Видишь. А теперь прекрати, пока голова не заболела.

Не удержалась. Продолжила ещё немного. В результате следующие два часа слух был настолько перегружен, что я с трудом переносила собственные шаги по лестнице. Агата принесла тёплую воду и чуть не швырнула в меня полотенцем.

— Я же сказала остановиться.

— Меня в детстве за хорошее любопытство хвалили.

— Тогда надеюсь, те люди готовы платить за твоё лечение.

В разговор вмешалась Корда. Она принесла стопку чистых фартуков и попросила развесить их в кладовой. Я попробовала возразить, что почти оглохла после научного опыта, но гномка сказала, что одежда не кричит, поэтому с ней можно работать сколько угодно.

За работой я немного успокоилась. Уши отзывались на каждое движение ткани, уже без боли. Потом пришла грусть: это тело наверняка помнило десятки полезных вещей, а я собственной торопливостью ломала его навыки. Эллира где-то существовала как отдельный человек — я всё сильнее в это верила. Хотелось хотя бы не испортить то, что однажды, возможно, смогу ей вернуть.

Но пока ничего подобного сделать было невозможно. Я подняла последний фартук, повесила его ровно и придумала простое правило: прежде чем пользоваться магией, сначала выяснить, кто потом будет расплачиваться за мой восторг. Выполнить правило обещала себе без торжественности, потому что прекрасно знала, как плохо умею соблюдать громкие клятвы.

Ближе к полудню главной проблемой стали уши. Из ленты соорудила нечто вроде повязки. В зеркальной крышке чайника полюбовалась результатом: получилась несчастная спортсменка с двумя острыми буграми по сторонам головы. Уши возмущённо шевелились под тканью.

— Ты их травмируешь, — заметила Агата, заглянув в дверь.

— Они травмируют мою личную жизнь.

— Что с ней?

— Они выдают слишком много информации.

— Не дёргай их. Лучше попробуй слушать один звук, не все сразу.

— Например, твой прекрасный голос?

— Например, как ты наконец пойдёшь вниз и помоешь пол.

Я выкурила у окна половину табачной палочки. Шум отступил, а вместе с ним почти исчезла способность различать шаги в коридоре. Потому и не услышала, как открылась входная дверь.

В трактир явился инспектор — человек с маленькой аккуратной бородой и ботинками, начищенными до оскорбительного блеска.

— Госпожа Норэн, — произнёс он. — Вам надлежит явиться для дачи объяснений.

Я стояла с мокрой тряпкой. Корда — с большой деревянной ложкой. Очень выигрышная сцена для человека, которого подозревают в похищении магического имущества.

— Вы ошиблись, — сказала я. — Меня зовут Ника.

— Полное имя?

Я открыла рот. Можно было сказать земную фамилию. Можно было соврать. Но лгать человеку, который держит такой длинный список вопросов, почему-то не хотелось.

— А если после удара головой плохо с памятью?

— Тогда отправим к лекарю. Пока вы не подпишете уведомление, выезд из города запрещён.

— Простите, а вы как собираетесь узнать, куда я еду?

— Не испытывайте терпение Палаты.

Корда кашлянула и отставила ложку.

— Эта девушка у меня работает. Бумагу отдайте, стол не занимайте. Мне к обеду мясо разносить.

Инспектор оглядел гномку и, видимо, решил, что спор о бумагах лучше не вести с женщиной, вооружённой горячей ложкой. Он протянул мне повестку, поставил печать и удалился.

Корда закрыла дверь.

— Ты мне объяснишь?

— Постараюсь.

— Тогда начни с того, почему людей из Палаты тянет ко мне вместо ужина.

Я села на стул. Из окна пахло хлебом, на доске остывали овощи. Я могла сбежать через задний ход. У меня было достаточно времени. Но тогда штраф и вопросы достались бы Корде.

— Я правда почти ничего не знаю, — сказала я. — У меня есть имя, но это тело, похоже, раньше жило совсем другой жизнью.

Гномка долго молчала.

— Так. Хорошо. Значит, сегодня идёшь в Палату. Вернёшься — отработаешь три смены за сегодняшний переполох.

— Только три?

— Ещё одна за эту шуточку.

Я рассмеялась, пока она не развернула повестку и не ткнула пальцем в красную печать. Под именем Эллиры Норэн было дописано: «Вызвать для проверки подлинности личности и доступа к Пограничной обсерватории».

Слово «обсерватория» неприятно звякнуло где-то внутри новых ушей.

Глава 5. Палата, где проверяют слова

Если когда-нибудь у меня появятся дети, я буду пугать их Палатой Клятв.

Не злой ведьмой, не ночным чудовищем, а очередью из двадцати семи человек с одинаковыми бланками и спором о месте для подписи. Человеческая фантазия придумала множество пыток. Бюрократия победила всех без магии.

— Следующий! — выкрикнула женщина за окном.

Я шагнула к ней, но передо мной вынырнул старик в синем колпаке.

— Мне только спросить.

— А мне только жить дальше, — ответила я.

Старик не понял и протиснулся к окошку. В новых ушах зазвенело от его громкого голоса. Я сделала то, что советовала Агата: сосредоточилась на тихом скрипе пера за деревянной перегородкой. Остальные звуки ненадолго отодвинулись.

Когда подошла моя очередь, чиновница в сером платье долго читала повестку. Сначала открыла один журнал. Потом второй. Из третьего извлекла листок с печатью.

— Госпожа Эллира Норэн, вы заявляли о намерении провести исследование зеркального шва?

— Я заявляла, что очень хочу поскорее отсюда выйти.

Она не подняла головы.

— Дайте точный ответ.

— Не помню.

— Вы ведь сами подписали разрешение.

Передо мной положили пергамент. Внизу действительно стояла подпись «Эллира Норэн». Буквы были чужими и почему-то знакомыми пальцам: когда я провела по ним, кисть сама повторила последнее движение. От этого стало неудобно.

— А если человек потерял память? — спросила я.

— Подлежит обследованию. Но отсутствие памяти не прекращает прежних обязательств.

Рядом пожилая торговка заключала договор аренды лавки. Она волновалась так, что обе ладони оставляли влажные следы на дереве. Когда подписала и отчётливо сказала «обязуюсь платить», прозвучала мягкая чистая нота — слова и намерение совпали. Мужчина через два окна заверял выплату долга; под его фразой сухо щёлкнуло, резко и неверно.

— Что вы слышите? — спросила чиновница.

Я дёрнулась. Разумеется, это заметили.

— Нервы, — сказала я. — Слишком много народу.

Она уже собиралась возразить, когда за моей спиной произнесли:

— Госпожа Веста, ваш протокол относится только к подтверждённым сведениям. Причину реакции свидетельницы ещё предстоит установить.

Лорен Вейр. Сегодня без дорожной куртки, в тёмном жилете, с папкой под мышкой. От одного вида его идеального воротника мне захотелось расстегнуть на нём две пуговицы просто из принципа.

— Вы опять за мной следите?

— Палата попросила проверить акт. Подойдите к столу.

— А «пожалуйста»?

Он остановился. Вокруг нас люди продолжали перебирать документы.

— Подойдите, пожалуйста, к столу, — повторил он.

— Смотрите-ка, волшебство работает.

Мы прошли в боковую комнату, заставленную архивными коробками. Лорен поставил передо мной две записи. На первой записи один свидетель обещал вернуть долг. На второй другой заверял, что присутствовал при передаче зеркала.

— Послушайте, — сказал он.

— У меня и уши ещё не отдохнули, и завтрака нормального не было. Может, сначала кофе?

— Чай принесут.

— Вы страшный человек. С вами даже шутки превращаются в процедуру.

Он подвинул ко мне бумагу. На первой записи звук был ровным. На второй за словами тянулся одинаковый металлический призыв. Я описала его, и тут Лорен заметно заинтересовался.

— Откуда вы знаете, что это подделка?

— Не знаю. Просто два разных свидетеля не должны звучать одним и тем же неприятным колокольчиком.

— Вы можете различать форму ноты, но не причину её появления, — задумчиво сказал он.

— То есть я талантливая, но необученная?

— Вероятно.

— Запишите это покрасивее. Хочу повесить над кроватью.

Пока Лорен искал архивные справки, я сидела у дверей и разглядывала тех, кто приходил клясться. На первый взгляд Палата была местом для больших сделок. На деле сюда тащили всё подряд: обещание вернуть соседу лестницу, договор о совместной аренде мастерской, подтверждение, что два брата разделят наследство и перестанут швырять друг в друга кастрюли.

Последние как раз находились у соседнего окна. Один был высоким, бородатым, с забинтованным пальцем. Второй — маленьким, краснолицым и чрезвычайно громким. Они спорили так, что чиновница дважды просила их вспомнить, куда они пришли.

— Он забрал нашу материнскую лампу!

— Потому что ты забрал шкаф! Лампа к шкафу подходила!

— Лампу в шкаф не ставят!

Мне ужасно хотелось вмешаться. Я уже открыла рот, когда Лорен, проходя мимо, положил на стол передо мной маленький лист.

— Задача, — сказал он. — Послушайте, что они на самом деле обещают, если договорятся.

— Мир и вечную любовь?

— Или возвращение мебели.

Мы наблюдали со стороны. Наконец братья с помощью чиновницы составили договор: один получает шкаф, другой — лампу. Оба обещают не требовать перерасчёта цены. Клятвы прозвучали ровно. Но когда бородатый добавил: «И больше никогда к нему не приду», в голосе прозвучал острый надлом.

— Он не собирается держать слово? — спросила я.

— Возможно. А может, просто не уверен, что сможет. Это различие тоже важно.

Через минуту краснолицый уронил шляпу. Бородатый машинально поднял и подал её, бурча про безрукость. Они ушли, споря о цене телеги для перевозки шкафа. К концу сцены оба начали мне нравиться. Даже волшебная Палата не могла решить, должны ли братья любить друг друга, зато могла помешать новой драке из-за старой мебели.

Следом пришла женщина, которая хотела расторгнуть обещание работать ещё пять лет в кондитерской. Хозяин лавки уверял, что она дала слово добровольно. Она подтверждала: дала. Только не знала, что между строк было право удерживать половину жалования за обучение. Чиновница объяснила условия отзыва. Женщина заплакала от облегчения.

— Значит, здесь и защищают людей, — сказала я Лорену.

— Иногда. Если правила не подменяют собой здравый смысл.

Мне наконец захотелось перестать считать его профессию исключительно скучной. Я признала это вслух. Брови у него поползли вверх.

— Не радуйся, — добавила я. — Я всё ещё думаю, что вашим бланкам нужна человеческая редактура. В одном предложении двадцать три слова и ни одного, которое хочется произнести при жизни.

Он взял бумагу, которую я ему показала, и молча перечитал. Потом зачеркнул две фразы.

— Так лучше?

— Вот, — сказала я. — Вы уже почти живой.

Мы оба улыбнулись, и на секунду мне почудилось, что разговор может закончиться не ссорой. Лорен вернулся с новой стопкой печатей и снова стал серьёзным. Работа ждать нашего настроения не собиралась.

Тогда он предложил мне работу. Не такую, о которой мечтают в романтическом фэнтези, — без приглашения на королевский бал. Мне предстояло слушать документы и отмечать фальшивые голоса. Зато обещали плату серебряниками.

— Аванс, — немедленно сказала я.

— Сначала договор.

— Господи, да вы даже за хлебом ходите с договором?

— С пекарем у нас устоявшиеся отношения.

— Не сомневаюсь. У него, наверное, тоже папка.

Лорен положил передо мной лист, и я увидела фразу о полном отказе от права распространять сведения.

— Нет, — сказала я. — Вот это выкидываем. Я не собираюсь клясться молчать обо всём, что услышу. Вдруг вы здесь младенцев едите.

— Мы ограничиваем разглашение сведений о третьих лицах.

— Так и напишите. Точно, как любите.

Он взял перо. Несколько строк перечеркнул, переписал. Я удивилась, что спор вообще сработал. К полудню мы добились соглашения на три дня, с дневным авансом и правом отказаться без магической клятвы.

Когда уходила, случайно заглянула в открытый журнал. Там было имя Эллиры Норэн, записанное позавчера утром. Его перечеркнули красным не чернилами, а чем-то похожим на тонкую стеклянную пыль. Рядом стояла дата моего падения.

Я протянула руку. Лорен быстро закрыл книгу.

— Это ещё не признание смерти, — сказал он.

— А признание чего?

— Исчезновения правовой личности. До выяснения обстоятельств.

Я попыталась пошутить и не смогла. Чужое лицо, чужая подпись и бумага, считавшая меня исчезнувшей, разом сделали Петербург не смешной декорацией из прошлой жизни, а домом, до которого нельзя дойти. Зубы свело от желания оказаться там.

— Вы можете доказать, что я существую? — спросила я.

Лорен посмотрел на мою руку поверх журнала.

— Это пока единственное, в чём я совершенно уверен.

Глава 6. Как не спасти трактир и случайно его спасти

У Корды было плохое настроение. Понять это можно было по тому, что она не ругалась. Она сидела за столом и медленно разрезала ножом корку хлеба, хотя рядом лежал вполне рабочий кухонный топор.

— Что случилось? — спросила я.

— Меня покупают.

— Сразу целиком? Можно поторговаться?

Корда сунула мне письмо с зелёной печатью. Зеркальный фонд выкупил долг трактира и требовал освободить здание. Срок — десять дней. Я перечитала письмо, потом ещё раз и осторожно положила его на стол.

— А если вы им просто не продадите?

— Я им и не продавала. Я брала деньги у мельника семь лет назад, когда умер муж. Мельник передал долг дочери. Дочь — банку. Теперь вот фонд. Печь у меня в собственности, а стены, оказывается, почти уже не мои.

Скрипучий пол, заставленный столами зал, окно, которое Корда каждое утро открывала ровно на ширину ладони, — два дня назад всё это казалось временной остановкой. Теперь мысль о закрытии трактира обожгла сильнее, чем повестка из Палаты.

— Нужны деньги? — спросила я.

— У тебя есть?

— Нет. Но я умею их делать из чужого хорошего настроения.

Агата, сидевшая в углу с прибором, недоверчиво хмыкнула.

— Только, пожалуйста, без новых законов химии.

— Обидные слова. Я предлагаю вечер знакомств. Напитки, музыка, маленькая сцена. У вас же люди после ужина просто сидят и ругаются. А могли бы сидеть и платить больше.

Корда выслушала. Потребовала расчёт расходов. Я растерялась, но Агата пододвинула бумагу и накидала цифры. Понадобились свечи, сироп, продукты и музыкант.

Музыкант нашёлся сам. Вернее, нашлась.

Саэль Тирис вошла в трактир вскоре после обеда, и трое мужчин за соседним столом одновременно забыли, о чём спорили. Тёмные волосы были убраны медной заколкой, длинные уши почти не двигались, лицо оставалось невозмутимым. За плечом висел футляр с инструментом. Саэль села, заказала воду и спросила Корду о невыплаченных гонорарах за старый концерт.

— У нас тут планы на музыкальный вечер, — вмешалась я.

— Сочувствую, — ответила Саэль, рассматривая треснувший обод кружки.

— Я серьёзно. Придёт толпа, будут пить, веселиться, знакомиться. Ты споёшь. Заодно сможешь полюбоваться на меня с выгодного ракурса.

— Звучит как очень дорогой вечер.

— Ты ещё не слышала мой голос.

— И надеюсь, не услышу со сцены.

Агата фыркнула. Саэль улыбнулась уголком рта и потребовала половину сборов от входа и отдельную оплату за выступление. Я запротестовала. Она разложила передо мной свои расходы: струны, налоги, оплата помощницы, аренда репетиционной комнаты.

— Ты хочешь, чтобы я пела за комплимент?

— Нет. Но половина сборов...

— Тогда найми певца подешевле.

И она принялась убирать бумаги. Пришлось сказать, что я погорячилась.

— Вы профессионал, Саэль, — признала я. — Давайте считать вместе.

Она посмотрела уже внимательнее. За полчаса мы договорились, и Корда наконец отложила нож и взяла карандаш.

Через пару часов трактир напоминал корабль, который одновременно красят, чинят и топят. Я мешала напитки, придумывала им названия и учила Агату украшать чашки фруктами. В местный смородиновый сироп она случайно добавила каплю алхимической соли. Пена стала ярко-зелёной.

— Отрава? — спросила я.

Агата попробовала на кончике ложки, задумалась.

— Нет. Через час перестанет светиться.

— Отлично. Продаём как «Зелёный позор».

Подготовка вечера едва не закончилась, не успев начаться. За час до открытия старик, который обещал принести свечи, прислал племянника с пустой корзиной. Вторая поставка сиропа оказалась разбавленной водой. А мужчина, согласившийся помочь переставить столы, внезапно вспомнил, что назначил свидание.

— Потрясающе, — сказала я, пересчитывая закупки. — У нас праздник доверия к людям, которым ни в чём нельзя доверять.

Корда поставила передо мной мешок с несколькими монетами.

— Вот бюджет. Если полезешь в него ради украшений, будешь украшать вечер собственными серьгами.

— Я обойдусь без украшений. Здесь и так есть я.

— Замечательно. Значит, отнеси на улицу два стола.

Я потащила столы вместе с Агатой. Один застрял в дверях. Мы долго крутили его, пока прохожий не подсказал поставить на ребро. Я с гордостью приподняла стол за тяжёлую ножку, но он зацепил косяк и оставил на нём новую царапину.

— Начнём вечер с ремонта, — сказала Агата.

— А я рассчитывала начать с музыки.

Она вдруг присела на ступеньку и закрыла лицо руками. Я села рядом. Сначала решила, что она просто устала таскать столы. Но Агата опустила руки и принялась теревить застёжку на рукаве, никак не попадая в петлю.

— Что случилось?

— У меня завтра платёж за лабораторную линзу. Если не внесу, её заберут. И я опять останусь с чужими приборами вместо своей мастерской.

Я хотела предложить ей часть будущей выручки. Потом вспомнила, что мы ещё не заработали ни одной монеты, а свои долги я уже умудрилась устроить до начала события.

— Слушай, — сказала я, — я не обещаю решить твою жизнь сегодня. Но ты занималась напитками, светом, теперь ещё и мебелью. Можно честно записать твою работу в расходы, чтобы ты получила долю.

— Корда не согласится.

— Согласится, если показать расчёт. Она злая только к бесхозяйственности, а не к деньгам по делу.

Мы вернулись внутрь и сделали расчёт на обороте старой квитанции. Корда прочитала, потянулась за очками, пересчитала сама и одобрила небольшую оплату Агате из первых сборов. Агата не обнимала меня и не говорила, что я её спасла. Просто аккуратно сложила квитанцию и убрала в карман. Я почему-то обрадовалась сильнее, чем если бы она произнесла красивую благодарственную речь.

К пяти вечера свечей всё ещё не было. Тогда Саэль предложила обойтись несколькими лампами и светящимися соляными пластинами, которые Агата могла закрепить без опасности. Мы расставили их по стенам. Богатым зал не стал, зато перестал выглядеть унылой столовой: тёплый свет цеплялся за дерево, медь и лица.

Первой вошла старуха с внучкой. Девочка несла маленький букет, который вручила Корде.

— Мама сказала, вы нас кормили, когда у нас денег не было, — произнесла она.

Корда моргнула, взяла цветы и отправила девочку на кухню за пирожком. Потом повернулась ко мне:

— Иди обслуживай гостей. Стоишь с открытым ртом.

Я послушалась. Теперь мне хотелось, чтобы вечер удался ради людей, которые считали эту комнату своим местом. Моя способность устраивать развлечения внезапно стала второстепенной. Чувство было непривычным и немного тяжёлым.

К вечеру зал был полон. Грузчики привели жён, швеи — подруг, купцы — деньги. Саэль вышла на маленькую сцену, и шум постепенно стих. Пела она без сладкой манерности; слова выходили чёткими, упрямыми, без желания понравиться любой ценой.

Я носилась с подносами, поправляла чужие стулья, разнимала двух поклонников одной рыжеволосой торговки, пока та спокойно доедала пирог. Зелёная пена стала хитом вечера. Напитки пришлось готовить почти без остановки. Несколько человек спросили, можно ли заказать ещё один вечер, и я объявила цену, которую Корда одобрила одним коротким кивком.

Лорен пришёл поздно. Сел у стены, заказал чай. Я принесла ему кружку и попробовала улыбнуться обворожительно.

— Господин Договорыч, вы что, даже в праздник не пьёте?

— Завтра работаю.

— Ужасная биография. Может, хоть потанцуете?

— Вы сегодня опять нарушили бюджет?

— У нас прибыль, между прочим.

— Значит, у вас есть шанс пережить собственную бухгалтерию.

Я повернулась уйти, но заметила двух гостей с одинаковыми серебряными медальонами. Саэль пела об обещании вернуться, и надежда в её голосе была неровной, человеческой. Оба посетителя сидели с одинаковыми спокойными улыбками и почти не реагировали на песню. Медальоны в моей голове звенели механически ровно.

После выступления я нашла под стойкой третий такой же кругляш. Не успела поднять, как Саэль встала рядом.

— Ты тоже это слышишь? — спросила она.

— Что именно?

— Как мою песню кто-то пытается переписать.

Про выручку вечера я забыла.

Глава 7. Гулять — так до утренней головной боли

На следующий вечер Корда закончила считать выручку и объявила, что музыкальный вечер принёс прибыль. Этого повода мне хватило для праздника. Утром Агата успела внести платёж за лабораторную линзу: её доли от выручки вместе с собственными сбережениями хватило впрыток. Сообщила она об этом буднично, зато весь день протирала инструменты, переставляла их и запрещала мне дышать в сторону новой линзы.

— Нет, — сказала Корда.

— Я ещё ничего не предложила.

— У тебя лицо человека, который уже потратил чужие деньги.

— Какие оскорбительные представления обо мне!

— И не без основания. Выручку в сундук. Остальное завтра.

Саэль ждала у двери с футляром. Я показала ей заведение на другой стороне площади, где уже играла громкая музыка.

— Пойдём. Один танец. Мы сегодня заработали.

— Мне утром репетировать.

— Тогда два танца. Один за сегодня, второй за завтра.

Она рассмеялась и согласилась ненадолго. В «Золотом каблуке» танцевали на трёх уровнях. Нижний зал был заполнен моряками, торговцами, студентами магических мастерских. Наверху расположились люди богаче, с серьгами из настоящих камней и тонкими кубками, которые они даже держали как-то высокомерно.

Я заказала синего табака, от которого Агата советовала держаться подальше. Он горел холодно, пах сушёными ягодами и старой бумагой. После первой затяжки шум вокруг отодвинулся. После второй всё сложилось в простую, пьяную и потому убедительную картину: другой мир, мои двадцать три года, красивая женщина рядом — и право целоваться с кем захочу.

Саэль не позволила притащить себя в центр толпы. Но когда заиграли быстрые барабаны, она сама схватила меня за руку. Мне нравилось, что рядом с ней не надо было придумывать правильные слова: она смеялась над моими неудачными поворотами и спокойно отказывалась от тех, которые ей не нравились.

— Ты вечно торопишься, — сказала она, когда музыка сделала паузу.

— Мы же танцуем.

— И когда молчишь — тоже.

— Это я экономлю время.

Она поправила мою съехавшую прядь, не продолжила разговор и отправила меня за водой.

Мне встретился симпатичный человек с тёплым голосом и смешной ямочкой на подбородке. Мы поболтали. Он спросил, хочу ли я пойти с ним в тихую комнату. Сначала мне очень хотелось. Потом шнурок вдруг оказался сложнее любой застёжки: пальцы делали что-то своё, и меня это ужасно раздражало.

— Слушай, — сказала я, — я сейчас не в лучшем состоянии для серьёзных решений.

— Мы можем просто посидеть.

— Я и сидеть не смогу с достоинством. Видишь эту скамью? Я уже минуту промахиваюсь мимо неё.

Парень предложил проводить меня к подруге. Никаких уговоров. Он протянул воду и сказал, где его можно найти, если захочется поговорить на трезвую голову. Я даже немного расчувствовалась.

До того как я добралась до Саэль, приключения успели случиться ещё дважды. Сначала мне показалось, что я умею танцевать с людьми, которые носят огромные декоративные кры-

ля. Один молодой маг заверил, что они лёгкие, и пригласил меня в круг. Через минуту я зацепилась локтем за металлическое перо, оно покатилося по полу, а хозяин крыльев бросился за ним так торжественно, будто спасал семейную реликвию.

— Прости, — сказала я, подняв перо. — Я не знала, что это оружие массового поражения.

— Это конкурсный костюм! — возмутился маг.

Я помогла вернуть перо на место, пообещав не приближаться к его крыльям без разрешения. Он попробовал сердиться ещё немного, но потом сообщил, что выступает завтра на празднике ремесленников. Я пожелала удачи и принесла ему воду.

Вторая история вышла уже не смешной. У стойки сидела женщина с прямой спиной и ладонями, прижатыми к коленям. Мужчина рядом в третий раз пододвигал к ней бокал, хотя она уже дважды отказалась. Я взяла пустой стакан и подошла.

— Простите, — сказала я, — у нас тут есть интересная игра. Называется «не слышишь отказ — платишь за два напитка».

Мужчина нахмурился.

— Тебя не спрашивали.

— Тогда сейчас спрашиваю я. Даме всё удобно?

Женщина подняла глаза. В них было скорее раздражение, чем страх. Она сказала, что ждёт подругу и не хочет больше вина. Я предложила занять свободное место у нашего стола. Она согласилась, а мужчина ушёл, недовольно хлопнув ладонью по стойке.

Позже женщина поблагодарила меня. Я ответила, что ничего особенного не сделала. Она улыбнулась:

— Особенное — это когда кто-то действительно слышит простое «нет». Почему-то некоторые люди считают его приглашением торговаться.

Я подумала о собственном первом желании соблазнять всех подряд. В воображении это выглядело весело: понравился — подойди, улыбнись, пусть мир крутится вокруг твоего удовольствия. На деле мир был полон людей, у которых есть свои планы. И их право не хотеть меня было точно таким же большим, как моё право хотеть приключений.

Эта мысль показалась чрезвычайно глубокой для ночного кабака. Я даже собиралась поделиться ею с Саэль. Но музыка заиграла быстрее, кто-то протянул мне руку, и я снова оказалась в круге. К тому моменту вода закончилась, а голова стала тяжелее, чем хотелось признать.

Когда я вышла на воздух, прохлада спасла. На мостовой блестели лужи, в окнах зала двигались тени танцующих. Я присела у перил и вспомнила, как в Петербурге мечтала о безудержном празднике. Получила. Было весело. И всё равно хотелось домой, к чистой подушке и тишине, без великих решений.

Я прислушалась к себе. Следующий бокал ничего не улучшит. Наконец я решила закончить праздник раньше, чем организм сделает это за меня. Осталось найти Саэль и убедить её, что со мной всё в порядке. Стоило подняться, как выяснилось: две ступеньки ведут совсем не туда, куда я рассчитывала.

Саэль сидела на ступеньках. Увидела меня — протянула руку к стакану.

— Сколько?

— Две настойки, бокал вина и кое-что синее, — честно ответила я.

— Синее не надо было.

— Ты как Агата. Скоро заведу себе отдельную комнату для нотаций.

Она дождалась, пока я выпью воду, и довела до трактира. Я ещё пыталась рассуждать о том, что настоящий свободный человек не обязан высыпаться, но на лестнице забыла окончание собственной мысли.

Проснулась с ощущением, что во рту поселилась старая губка. Агата сидела на соседней кровати и перебирала железки; увидев меня, заинтересовалась ровно настолько, насколько учёный интересуется новым видом плесени.

— Доброе утро, — сказала она.

— Зачем ты кричишь?

— Я шепчу. Корда ждёт тебя внизу.

В памяти всплыли танцы, синяя палочка и моя весьма удачная шутка про то, что я готова «оплатить музыку хоть на неделю». Или это была не шутка? Обрывки ночи складывались в неприличную мозаику.

Внизу Корда положила передо мной расписку с тремя свидетельскими метками. Я внимательно прочитала цифру.

— Этого не может быть.

— Ты сама обещала оплатить площадку, — сказала гномка. — Два музыканта и освещение на семь вечеров. При мне повторила.

— Была весёлая атмосфера.

— Атмосферу в счёт не ставят.

Лорен сидел за отдельным столом. Он принёс документы для проверки и, несомненно, слышал всё. Надо было обладать железной выдержкой, чтобы не запустить в него хлебом.

— Вы не могли меня остановить? — спросила я.

Он не поднял головы.

— Пытался. Вы назвали меня шкафом с печатями и обвинили в зависти к празднику.

— Не помню.

— Это не отменяет слов.

— Звучите как моя бывшая начальница.

— Примите соболезнования.

Я отвернулась. Корда назначила мне дополнительные смены и объяснила, какая часть долга пойдёт из чаевых. Пришлось согласиться. Особенно после того, как в ушах снова заиграл ночной колокольный ритм, сопровождаемый фразой, произнесённой чужим ровным голосом: «Третий узел уже ваш».

Я сжала край стола.

— У вас внизу ничего ночью не звонило?

Корда побледнела настолько, что даже Лорен отложил бумагу.

Глава 8. Подвал с дурной акустикой

— Не трогай люк, — сказала Корда.

Разумеется, именно после этого мне ужасно захотелось посмотреть, что там.

Подвал находился под барной стойкой. Крышку маскировал старый коврик, замок был непривычно большим. Я присела, уши дёрнулись вниз так резко, что лоб чудом разминулся с досками.

— Там кто-то стучит.

— Крысы, — сказала Корда.

— У вас крысы поют одним голосом?

Она отвела глаза.

Агата спустилась с приборами, которыми за последние дни загромоздила половину нашей комнаты. Лорен пришёл через полчаса — его пришлось искать у Палаты. Вошёл он, как всегда, невозмутимо, но когда увидел снятый коврик, ускорил шаг.

— Вы уже пытались открыть?

— Нет, — ответила я.

Корда шумно втянула воздух. Лорен посмотрел на царапины возле замка. Я развела руками.

— Ладно, пыталась. Но только ножом. И без успеха.

— Вам без опаски можно дать в руки только сухой хлеб, — сказал он.

— Вы его ещё не видели, когда я голодная.

Корда вытащила ключ из кармана. Долго вертела, потом сказала:

— Я должна кое-что объяснить. Двадцать лет назад мой муж пускал в этот подвал первозчиков. Никаких трупов. Никакого рабства. Товары без лишних отметок в книгах. Лицензия у меня теперь чистая, а старые бумаги всё ещё могут дорого стоить.

— Фонду нужен не ваш контрабандный кофе, — сказал Лорен.

— Это ты ещё не пробовал кофе моего мужа.

Корда открыла люк.

Из темноты поднялся запах пыли, сырой извести и давно затушенных свечей. Мы спустились по узкой лестнице. В дальнем углу стоял металлический цилиндр, вмурованный в стену. К нему тянулись трубы. На поверхности отпечатались звёзды и тонкая надпись, которую я разобрать не смогла.

— Приёмник, — прошептал Лорен. — Старой сети клятв.

— А вы знали, что он здесь? — спросила Корда.

— Нет. Я искал городской узел целый год.

Я подошла ближе. Металл звучал не одним тоном, а несколькими слоями. Настоящие голоса дрожали, сбивались, цеплялись друг за друга. Сквозь них проходил один искусственный — ровный, чужой. Я сосредоточилась на нём и почти сразу ощутила давление за ушами.

— Ника, стой, — сказал Лорен.

Я почти не слышала его. Где-то далеко раздался знакомый женский голос. Мне показалось, что он произнёс по-русски одно слово: «Нельзя».

Потом всё исчезло.

Я обнаружила себя сидящей на полу. Лицо было мокрым, хотя я не помнила слёз. Корда держала чашку с водой. Агата быстро крутила болты на цилиндре. Лорен стоял возле погашенной катушки, положив ладонь на рычаг.

— Она нас слышит? — спросила Агата.

Губы её двигались без звука. От страха я попыталась вскочить и ударилась о полку. Только спустя несколько мучительных мгновений услышала глухое гудение, затем собственное дыхание.

— Что случилось?

Лорен присел рядом, не трогая меня.

— Вы перегрузили слух. Я выключил питание.

— Вы не могли предупредить раньше?

Он взглянул на меня, и собственное «не трогай люк» сразу вернулось в память. Лучше было промолчать.

Когда слух немного вернулся, Агата сняла с приёмника две тонкие медные мембраны и убрала их в защитный чехол. Проверять детали на месте она отказалась: после моего обморока даже я не стала спорить.

В подвале я успела заметить ещё кое-что: на полу лежали деревянные ящики, похожие на те, что мы выбрасывали после поставок. Корда пыталась быстро пройти мимо них, но Лорен остановился и осторожно приподнял крышку. Внутри лежали старые книги перевозчиков, перевязанные бечёвкой.

— Это мои старые счётные книги, — буркнула Корда. — Не имеют отношения к магии.

— Возможно. Но здесь есть даты аренды подвала, — ответил Лорен. — Они помогут установить, кто монтировал приёмник.

Корда села на ящик. Она выглядела внезапно старше — маленькая сильная женщина, которая двадцать лет прятала прошлое от государственных проверок, а теперь вынуждена раскрывать его ради людей, появившихся здесь только недавно.

— Мой муж считал, что любое ограничение — глупость, — сказала она. — Вozил всё, что приносило деньги. Вино без налога, соль, ткани. Иногда лекарства, которые нельзя было законно купить. Я ругалась с ним. Потом брала прибыль и чинила крышу. Вот такой у нас был брак.

Я присела на нижнюю ступеньку и слушала. Агата перебирала металлические детали, Лорен просматривал страницы.

— Когда он умер, — продолжила Корда, — здесь остался долг. И несколько людей, которые привыкли заходить без спроса. Я сменила замки, закрыла подвал и решила больше не возвращаться к этому. А оно вон как получилось.

Мне хотелось спросить, жалела ли она о своём муже, но вопрос был слишком личным. Я предложила помочь переписать нужные даты, не отдавая чиновникам всю книгу.

— Можно так? — спросила Корда Лорена.

— Если подписать акт отбора и оставить оригинал у вас. Нас интересует история монтажа, а не старая торговля вином.

Корда посмотрела на него с новым уважением. Я тут же отметила, что он наконец научился говорить без лишних слов. За это получила сердитое «не мешай» от обоих.

Пока они разбирали книги, я нашла на стене царапину — слишком ровную для случайного повреждения: тонкая нота с тремя короткими чертами. Пальцы сами сложились в непривычный жест, словно тело помнило его раньше меня. Я повторила узор на стене и услышала тихий отклик. Остальные даже не обернулись.

— Тут была слухачка, — сказала я.

Лорен подошёл, попросил не трогать рисунок и принёс пергамент для оттиска. Агата объяснила, как определить возраст насечки по пыли в борозде. Мы работали втроём, пока Корда держала лампу. След был свежим — возможно, его оставила сама Элтира перед исчезновением.

Эллира пыталась кого-то предупредить. Может быть, даже саму себя. Я провела пальцем рядом с насечкой, не касаясь металла. Чем больше мы находили её следов, тем хуже вязались вместе исследование, чужие желания и этот ровный металлический голос.

Наверху усталость накрыла сильнее, чем после целой смены. Хотелось сидеть с горячей кружкой и ничего не слушать. Но расследование уже стало общим делом, и завтра снова придётся задавать вопросы.

Позже Агата разобрала найденный жетон. Она приложила к нему прибор с иглой, затем поднесла два разных документа. Игла дёрнулась одинаково.

— Видишь? — сказала она, забыв, что мне всё ещё трудно различать тихую речь. — Два совершенно разных обещания. Разные люди, разное время, разные условия. А у медальона одинаковый ответ. Этот отклик в него заложили заранее.

— Значит, кто-то ставит за людей одинаковые подписи? — уточнила я.

— Похоже на то.

Лорен записывал показания, Корда убирала инструменты. Я полезла помогать и уронила коробку с винтами. Двадцать минут ползала под столом, собирая их. Никто даже не предложил мне героически отдохнуть, что странным образом успокаивало.

К вечеру принесли письмо. Адресовано было Корде, на конверте — печать Зеркального фонда. Внутри содержалось предложение погасить все долги трактира. За медальон. За доступ в подвал.

И, как отдельный пункт, «за передачу эльфийки Эллиры Норэн для добровольного освидетельствования».

— Ну, — сказала я, глядя на бумагу, — могли бы хоть спросить мою стоимость.

Корда взяла письмо двумя пальцами и уже поднесла к огню, но Лорен остановил её. Копию с подписью он оставил себе, а оригинал вернул Корде: такая улика могла ещё пригодиться.

— Ты мне должна ещё за три вечера, — сказала она. — И пока не расплатишься, никуда тебя не передам.

Я выключила лампу. За стеной скрипнула половица — Корда всё ещё не спала. Этого хватило.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ГРЕХИ БОЛЬШОГО ГОРОДА

Глава 9. Никого не продаём, даже если очень просят

— Может, всё-таки оставить письмо? — спросила я.

Корда подняла глаза от книги расходов.

— Копия осталась у Лорена. Он заодно подал возражение на переуступку долга: пока Палата проверяет цепочку владельцев, фонд не имеет права вышвырнуть нас на основании того десятидневного требования.

— Я не об этом. Оригинал хотелось повесить в рамку. Первый раз в жизни за меня предлагают серьёзные деньги.

— Ты сейчас договоришься до того, что я выставлю тебя на аукцион за долги по музыке.

— Тогда начальная цена не ниже золотника. Я эксклюзив.

Корда раскрыла рот, собираясь сказать нечто очень точное и, вероятно, обидное. В этот момент с кухни донеслось возмущённое «кто снова поставил мокрые чашки на сухие!» — и она ушла разбираться. Я осталась с письмом фонда, которое Лорен переписал без единой пометки.

«Добровольное освидетельствование». Мне нравилось, как люди с плохими намерениями выбирают хорошие слова. Примерно так бывший называл своё враньё «нежеланием расстраивать меня лишними подробностями».

Лорен появился с Агатой. Они принесли схему узлов, которую той ночью набросали по памяти.

— Просто разбить всё к чёртовой матери нельзя? — спросила я, когда услышала, сколько работы предстоит.

— Можно, — ответил Лорен.

Я обрадовалась.

— Последствия вас устроят?

— Вы издеваетсяь.

— Нет. На этих медальонах держится обезболивание у пациентов. Если разбить их одновременно, часть людей останется без помощи. Не все носят их по принуждению.

Агата положила передо мной два железных кружка.

— Я могу собрать глушитель. Маленький. Временный. Пока сигнал не будет идти, человек сможет решить, чего хочет, без постороннего голоса. Но мне нужны чёрное серебро и синяя соль. Легально я это не куплю.

— Как удобно, что у тебя есть подруга с сомнительной репутацией, — сказала я.

— У меня соседка, которая всё время забывает купить хлеб, — поправила Агата. — Это разные качества.

Рынок Риавеля оказался отдельным государством. Тут можно было купить рыбу, засушенные цветы, лекарства, иглы, чужие сапоги и услугу под названием «уверенное молчание». Последнюю предлагали в маленькой палатке с чёрными занавесками. Мне захотелось узнать, что именно продавец делает с невежливыми клиентами, но я сдержалась.

Чёрное серебро нашлось у старого мастера. Он потребовал вдвое больше, чем у меня имелось, и с интересом предложил «другой способ оплаты». Я внимательно посмотрела на него, а затем на его жену, которая как раз появилась за прилавком с корзиной яблок.

— А можно я ей расскажу, какие у вас тут способы? — спросила я.

Мастер тут же снизил цену. Жена спросила, из-за чего шум. Мы дружно ответили, что обсуждали дождь. Она нам не поверила, но серебро продала по честной цене и велела мужу принести новые весы.

На рынке меня попытались обмануть ещё раз. Женщина в красной шали предложила «настоящий тихий табак», который якобы приглушает магические голоса. Я спросила состав. Она назвала пять трав, три из которых я не знала даже по виду. На слове «безопасный» в ушах мелькнула сухая трещинка.

— А для чего его берут? — спросила я.

— Чтобы отдыхать. Ты, милая, выглядишь уставшей.

Она была права. Последнюю ночь я почти не спала: в ушах всё ещё звенел подвал. От одной мысли о тишине захотелось купить целую коробку. Но синяя палочка, превратившая вечер в долг, ещё слишком хорошо сидела в памяти. Я спросила, есть ли у неё бумага с разрешением на продажу. Продавщица тут же потеряла ко мне интерес.

Я пошла дальше и услышала за спиной голос мальчишки:

— Госпожа, а вы правда из Палаты? Вы ведь можете узнать, кто украл мой товар?

Ему было не больше шестнадцати. Он торговал деревянными игрушками с маленького столика, рядом стояла корзина с краской. На его лице было столько деловой злости, что мне стало его жалко. Я присела и попросила рассказать всё по порядку.

Покупатель забрал три игрушки, пообещал вернуться с оплатой и исчез. Сосед-торговец утверждал, что видел его у речных ворот. Я прислушалась, но ничего подозрительного в словах не услышала. Пришлось объяснить мальчику, что мой слух не умеет искать ворованные вещи по воздуху.

— Тогда зачем он нужен? — возмутился тот.

— Чтобы иногда вовремя перестать верить красивым обещаниям. Но и он ошибается.

Я помогла составить описание покупателя для городской стражи, подсказала мальчику вести простую книгу продаж и договорилась с соседями, что будут присматривать за его столом по очереди. Дело заняло почти час. Денег я не получила, зато мальчишка подарил мне кривую деревянную лошадку.

— На удачу, — сказал он. — Вы ведь могли просто пройти мимо.

Лошадка была нелепой, с одной ногой короче остальных. Я убрала её в карман. Уже тогда мне пришла в голову мысль, что смысл второй жизни, возможно, не только в хорошей выпивке и красивых людях. Правда, признать это вслух было бы слишком опасно для моей репутации.

На перекрёстке я столкнулась с женщиной, торговавшей старыми книгами. Она узнала печать Норэн на моей серьге, сдержанно поздоровалась и спросила, не готова ли «госпожа Эллира» наконец расплатиться за редкий трактат. Уши от ужаса сами повернулись назад.

— Что за трактат?

— «Теория свободного узора». Вы забрали его два месяца назад для проверки. И обещали вернуть до конца осени.

Она назвала сумму. Я чуть не поперхнулась воздухом. Оказывается, Эллира тратила деньги на книги не хуже, чем я на развлечения. Женщина, впрочем, не требовала немедленной оплаты. Просто попросила принести книгу или дать знать, если она потерялась.

Я записала адрес и отдельно — долг. Если трактат найдётся среди вещей Эллиры, его придётся вернуть; если нет — честно сказать об этом торговке, а не изображать чужую память. На секунду захотелось пойти туда, где меня никто не знает и не предъявляет счётов на чужую жизнь. Но потом вспомнила Корду, которая не убежала от своих долгов, хотя могла. И решила хотя бы выяснить, где искать книгу.

Я записала название трактата рядом с адресом и решила вечером рассказать Агате: она лучше меня понимала, зачем Эллире могла понадобиться такая книга. Забавнее всего было то, что к делу меня привела не драка и не флирт, а забытая чужая покупка.

Соль я нашла у здорового орка, который разгружал ящики со склада на повозку. Когда он разогнулся, стало ясно: высокий зеленокожий мужчина из первого дня был довольно скром-

ным представителем своего народа. Этот оказался выше двери на целую ладонь. На шее висел деревянный талисман, на рубашке темнело масляное пятно.

— Синяя соль нужна? — переспросил он.

— Да. И, желательно, чтобы вы не сдали меня городской страже.

— Почему я должен?

— Обычно с этого начинаются приятные знакомства.

Орк хмыкнул.

— Гранн. Караваны, перевозки, иногда помощь людям с неудачными шутками. Соль бывает. А что мне за это?

Я назвала сумму. Гранн посмотрел на мой кошелек, затем на руки, испачканные после торга с серебряником.

— За такие деньги получишь горсть. И совет: не суй её в рот.

— Вы умеете ухаживать.

— Очень. Иногда говорю даже про горячие сковородки.

Он рассказал, что видел наш медальон на ящиках с тайной поставкой. Не на лицевой стороне, конечно. Клеймо прятали под обёрткой, рядом с отметкой перевозчика. Гранн не знал, что внутри, но не любил людей, которые платят за молчание больше, чем за дорогу.

— Покажешь склад? — спросила я.

— Послезавтра, если не попытаешься купить меня комплиментами.

— А если попытаюсь?

— Compliments оставишь себе, работу всё равно сделаем.

Ответ мне понравился. Я хотела продолжить разговор, но Гранн уже вернулся к ящикам. Вот так. В Эйресе нашёлся мужчина, который предпочёл мне мешок соли. Оставалось надеяться, что комплекс на этой почве не разовьётся.

В трактире я разложила добычу перед Агатой и рассказала про «Теорию свободного узора». Название её сразу заинтересовало: по словам Агаты, книга объясняла магические клятвы без обязательного подчинения посреднику. Мы решили снова зайти к торговке. Потом Агата проверила каждый кусочек, похвалила чистоту серебра и обнаружила, что я купила соль с примесью песка. Мне стало обидно за Гранна, но Агата сказала, что это нормальная торговая хитрость и для рецепта даже полезно.

Лорен тем временем составил перечень доказательств: подлинный договор, свободный свидетель, след записи. Без одного из трёх пунктов фонд мог списать наши показания на зависть или обычную ошибку слухачки.

— Вы только посмотрите, — сказала я. — Чтобы доказать преступление, нам нужно выполнить задания в трёх локациях. У вас в мире хотя бы награды за это дают?

— Судебные издержки, — ответил он.

— Потрясающе. Просто обожаю фэнтези.

Вечером я снова вышла на крыльцо. Из соседней лавки тянуло табачным дымом, в окнах трактира горел свет, а внутри Корда ругалась на неверную сдачу. Ника из прежней жизни сказала бы: «Не связывайся, тебе за это не платят». Я попробовала услышать её, но поймала вместо этого голос гномки, зовущей меня помочь с подносами.

Я вернулась. Потому что деньги от фонда можно было бы взять, но тогда Корда лишилась бы и подвала, и права самой решать, что делать со своим трактиром. А моего согласия при этом даже не спросили.

Глава 10. Саэль поёт не за комплименты

Саэль открыла дверь локтем. В обеих руках она держала стопки нот, на плече висела сумка, а зубами она пыталась удержать ключ. Я успела забрать у неё верхнюю пачку ровно за секунду до того, как та разлетелась бы по лестнице.

— Ты вовремя, — сказала она.

— Всегда так делаю. Особенно с важными женщинами.

— Тогда возьми ещё нижнюю пачку. Важная женщина сейчас уронит половину своего заработка.

Мы поднимались на третий этаж музыкального дома. Саэль рассказала, что у неё отменили выступление. Зеркальный фонд выкупил права на зал и предложил всем артистам новые договоры: бесплатные репетиции, но исключительное право использовать записи голосов и даже отдельные произнесённые фразы.

— Я отказалась, — сказала она, задыхаясь на последней ступеньке. — Теперь меня не пускают на вечернюю сцену.

— Из-за голоса?

— Из-за того, что он мой.

Она попыталась забрать у меня папку, но я не отдала — только поставила на стол в репетиционной комнате. Тут стояли два стула, расстроенный клавир и чашка с давно остывшим чаем. Сквозь окно было видно крыши и маленький рынок внизу.

— А можно записывать людей без их согласия? — спросила я.

— Нельзя. Потому и придумали форму «добровольного дарения».

Я взяла один лист, увидела слишком знакомый знак фонда и потянулась к серье. Та, что принадлежала Эллите, до сих пор казалась мне чужой драгоценностью, случайно оставшейся при мне.

— Лорен бы здесь повесился от количества нарушений.

— Он из тех, кто сначала составит протокол о нарушении правил самоубийства, — сухо заметила Саэль.

Я рассмеялась громче, чем следовало. Она улыбнулась, но тут же указала на опрокинутую мной пачку.

— Помоги собрать. А потом не мешай репетиции.

Я собирала ноты и читала пометки. Большинство слов не понимала: местная музыкальная грамота отличалась от привычной. Саэль объясняла, потом замолкала, когда я начинала глазеть по сторонам. Флиртовать с ней хотелось по-прежнему, но сегодня я всерьёз смотрела, сколько труда стоит за голосом, который раньше воспринимала как часть собственного развращения.

К вечеру удалось договориться о концерте в независимом зале. Я помогла развесить афиши, постояла у входа и продала десяток билетов людям, пришедшим поглазеть на ушастую рыжую за стойкой. Конечно, потом с меня спросили отчёт и заставили пересчитать кассу, но деньги Саэль получила честно.

Перед концертом Саэль обнаружила, что верхние ноты в зале теряются. Хозяин помещения уверял, что акустика прекрасная, и предлагал «просто петь громче». Я стояла у стены и видела, как у певицы постепенно исчезает терпение.

— Если я начну кричать, — сказала она, — вы услышите меня даже на рынке. Но это не будет песня.

Хозяин растерялся. Я предложила ему поставить стул на сцене и попробовать поговорить со зрителями из дальнего ряда. Он согласился и через минуту признал, что собственный голос едва доносится до стены. Агата, которую мы позвали помочь с освещением, нашла старые

заглушающие пластины под потолком. Их использовали, когда зал служил складом и хозяева не хотели слышать работу механизмов.

Мы снимали пластины вдвоём. Я держала лестницу, Агата отвинчивала крепления. Внизу Саэль репетировала один и тот же отрывок, всё лучше различая его отклик. Когда последняя пластина упала в корзину, голос наконец прозвучал свободно, и певица остановилась посреди фразы.

— Вот, — сказала она. — Теперь можно работать.

Я ожидала объятий и благодарностей. Саэль попросила принести воду и вернула нас к списку задач. Сначала я даже обиделась, а потом увидела, как тщательно она готовится к каждому выступлению. Музыка была её профессией, а не поводом собирать комплименты.

В гримёрке сидели ещё два артиста. Молодой человек нервно перекладывал струны, женщина проверяла украшения на костюме. Они спорили, стоит ли теперь принимать предложения фонда. Залы закрывались один за другим; многие музыканты соглашались на сомнительные договоры, лишь бы продолжать выступать.

— У меня дети, — сказала женщина. — Мне нужны деньги. Не могу позволить себе быть гордой.

Саэль не осудила её. Спросила, какую часть прав фонд намерен забрать, и предложила вместе прочесть договор после концерта. Это поразило меня больше, чем её выступление. Она могла вести себя холодно и упрямо, но никогда не считала, что другой человек обязан платить за её принципиальность.

На концерте я стояла у входа, проверяя билеты. Несколько зрителей пытались пройти бесплатно. Один уверял, что Саэль сама его пригласила; другой ссылаясь на старое знакомство с хозяином зала. Я не пропускала, пока они не предъявляли билеты, и чувствовала себя очень неприятным человеком. Потом увидела, как женщина в старом платье протягивает последние медяки, и поняла, что ей просто хочется услышать песню. Я купила ей билет из собственных денег.

— Ты разоришься, если будешь так делать, — заметила Агата.

— Знаю. Но у меня ведь не только дурные способы тратить деньги.

Саэль пела без чар. Никакой волшебный свет не заставлял людей плакать или улыбаться. В первом ряду кто-то зевнул, в последнем мужчина уснул, а пожилая женщина рядом со мной тихо вытерла слезу. Мне нравилось это несовершенство. В песне было место каждому, даже тому, кто ничего не понял.

Когда концерт закончился, Саэль вышла из-за занавеса уставшей, с растрепавшимися волосами. Я принесла воду и уже приготовила очередной комплимент. Она остановила меня жестом.

— Лучше скажи, как звучало у дальней стены.

Я честно описала, где голос проваливался, а где было особенно хорошо. Она слушала внимательно, задавала вопросы. И только потом улыбнулась:

— Спасибо. Вот это действительно полезно.

Мне стало важно понравиться Саэль не только шутками и открытым интересом. Я могла помочь сохранить её музыку. И поздняя близость после этого уже не выглядела отдельным развлечением.

После выступления мы сидели в её комнате над сценой. Она сняла туфли, вытянула ноги, поморщилась, когда я предложила второй бокал вина.

— Мне завтра рано вставать. Не хочу проснуться с голосом крикливого гуся.

— А если я скажу, что ты мне нравишься?

— Я скажу, что заметила ещё в трактире.

— И? — Я уселась на подоконник, хотя там было холодно. Зачем-то хотелось выглядеть расслабленной.

— И мне приятно. Но у меня нет времени на человека, который завтра будет ждать от меня песни у своей кровати.

Я спрыгнула на пол.

— Ты думаешь, я хочу себе домашнюю певицу?

— Не думаю. Спрашиваю, чего хочешь.

От простоты вопроса я растерялась. В Питере подобные разговоры обычно начинались словами «а мы кто друг другу?» и заканчивались обидой. Здесь можно было сказать правду.

— Хочу тебя поцеловать. Сегодня. А завтра не делать вид, что мы чем-то друг другу обязаны, кроме нормального отношения.

Саэль задержала на мне взгляд.

— Тогда перестань стоять в дверях, будто собираешься сбежать.

Я подошла. Поцелуй вышел совсем не таким, как я заранее придумала. Я задела её заколку; она рассмеялась и убрала её на стол. Мы какое-то время пытались говорить, затем перестали, решив, что утро само разберётся с расписанием. Когда она закрыла дверь, я испытала редкое спокойствие: меня хотели не за смешные реплики, и от меня не ждали очередного доказательства смелости.

Утром Саэль разбудила меня стуком чашки о блюдце.

— Чай. Сахар закончился.

— Вот так всегда. Ночь прекрасная, а утром бытовуха.

— Могу предложить высокую трагедию. У меня через полчаса репетиция, и ты сидишь на моём плаще.

Я поднялась. Мы не обсуждали вечных чувств. Саэль спросила, приду ли я на следующий концерт, и получила честный ответ: если Корда отпустит и если я не окажусь в тюрьме.

Перед уходом она показала мне счета, привезённые из отменённого зала. Среди имён свидетелей несколько раз повторялось одно и то же: Тарис Кел. Я переписала его в блокнот — слишком уж часто он встречался, чтобы считать это случайностью.

— Не нравится мне этот счёт, — сказала она. — Сначала по нему покупают мой голос, потом в документах оказывается человек, который на концертах никогда не бывал.

Я сунула бумагу в сумку. Она придержала меня за локоть.

— Ника, — сказала Саэль уже серьёзно, — не обещай принести ответы к вечеру. Ты не обязана быть полезной, чтобы я снова захотела тебя видеть.

Уши повернулись к ней сами. Иногда хотелось завязать их узлом. Иногда — поблагодарить.

Глава 11. Гранн возит не только табак

Через два дня, как и обещал Гранн, на складе пахло речной водой, мокрой верёвкой и маслом. Он уже носил ящики из телеги, когда я пришла в новой рубашке и с самодовольным выражением лица.

— Опоздала, — сказал он.

— На три минуты. Ты считал?

— Я начал разгрузку без тебя. Это тебе наказание.

— Жестоко.

Он бросил мне рабочие перчатки. Они были на два размера больше и пахли табаком. На ближайшей куче стояла таможенная пломба. Гранн объяснил, что у него задержали партию красителей для ткани: документов достаточно, но чиновник требует вторую экспертизу и плату за хранение.

— Ты же знаешь людей в городе, — сказал он. — Поможешь разобраться, покажу, где шли ящики с медальонами.

— Обычно я знакомлюсь с мужчинами за ужином.

— Обычно мне за ужином не нужно десять страниц накладных.

Мы пошли в таможню. Я собралась обаять чиновницу, но та оказалась маленькой женщиной с неподвижным лицом и очками на тонкой металлической цепочке.

— Госпожа, — начала я, опираясь на стойку, — может, мы найдём способ решить всё быстрее?

— Найдём. Заполните заявление.

— Мы можем быть взаимно полезны.

— Можете. Вы заполните заявление, а я его рассмотрю.

— Вы всегда так серьёзны?

Она посмотрела поверх очков.

— За попытку оказать давление на служащего положен штраф. Ещё одна фраза — и он будет ваш.

За спиной Гранн кашлянул, очень похоже на смех. Я заполнила заявление, заплатила пошлину за неправильную формулировку первого бланка и получила штамп. Всё происходило настолько унизительно законно, что настроение испортилось до вечера.

— Не переживай, — сказал Гранн у дверей склада. — Мне тоже когда-то показалось, что улыбка ускоряет работу таможни. Восемь лет назад. Дорогой был урок.

— Ты мог предупредить.

— Предупредил. Ты сказала, что знаешь, как разговаривать с женщинами.

Удар был нечестный, но точный. Мы разгрузили краску и вернулись к дальнему ряду ящиков. На одном темнела потёртая печать фонда. Гранн осторожно снял доску. Под обычными тканями лежали плотно уложенные серебряные диски.

— Их много, — сказал он.

Я потрогала упаковку. Одни и те же тонкие символы, одни и те же искусственные голоса. Не нужно было слушать каждый отдельно: неприятный хор уже тянулся от всей партии.

— Похоже, кому-то понадобилось очень много покорных покупателей, — произнесла я.

— Не спеши. Мой дядька носит медальон для сна. Сам попросил. До того просыпался каждую ночь от боли в спине.

— И что?

— И то, что если ты придёшь и разобьёшь его медальон, он тебе спасибо не скажет. Сначала спроси, чего сам хочет.

Я промолчала, потому что вспомнила разговор с Лореном. Неприятно, когда даже в симпатичных орках столько здравого смысла.

Мы нашли подложную накладную с адресом лечебницы Велиссы Арманд. Гранн дал мне переписать название; оригинал спрятал обратно. И правильно — если бы он отдал всё, фонд сразу понял бы, кто его выдал.

Пока мы разбирали накладные, Гранн рассказал о жизни караванщиков. Я представляла её набором весёлых приключений: дороги, костры, новые лица. Он объяснил, что основная часть путешествий состоит из грязи, усталости, плохой еды, борьбы с сыростью и бумажной работы, которую никто не хочет делать.

— Знаешь, сколько стоит сломанная ось? — спросил он.

— Две бутылки хорошего вина?

— Две недели прибыли, если сломается далеко от мастера. И ещё вопрос, дотащишь ли товар целым.

Он показал мне отметки на тележной раме. Каждая царапина означала поездку, ремонт или ошибку. На одной доске была вырезана маленькая буква, которую он объяснил как имя бывшего помощника. Тот ушёл после спора об оплате.

— Ты его обидел? — спросила я.

— Да. Думал, что он должен радоваться работе с моим караваном. Платил меньше, чем обещал. Потом он ушёл. Я ещё год искал такого же хорошего возчика.

— Исправился?

— Теперь считаю деньги раньше, чем начинаю говорить о благодарности.

Мне вспомнилась Галка из питерского бара. Сколько раз я оставалась за неё, потому что не умела прямо сказать, что моё время тоже стоит денег. Теперь смотрела на орка и понимала, почему его простые правила так нравятся мне.

За складами находился маленький двор, где работники ели за длинным столом. Гранн привёл меня туда, чтобы узнать, кто последним видел подозрительные ящики. Трое возчиков поспорили, откуда шла партия, потом один достал карту и показал маршрут. Я села рядом с ними и принялась переписывать даты, как умею: быстро, с сокращениями, добавляя стрелки и смешные пометки на полях.

— «Этот идиот опять меняет пломбы»? — прочитал Гранн через моё плечо.

— Это не для суда. Это для моей памяти.

— Для суда лучше перепиши без идиотов.

Он подал мне чистый лист и попросил указать только проверенные сведения. Я сперва разозлилась, потом вспомнила, сколько раз Лорен говорил то же самое. Похоже, магический детектив — довольно унылое занятие для тех, кто любит красивые версии событий больше скучных фактов.

Среди рабочих выделялась молодая орчанка с серебряным медальоном. Она спокойно рассказала, что носит его добровольно: после гибели матери долго не могла уснуть, а теперь спит лучше. Её отец недоверчиво наблюдал за нами, ожидая, что мы станем отговаривать дочь.

— Не собираюсь отнимать, — сказала я. — Просто хочу узнать, понимала ли она условия.

Девушка помолчала. Потом призналась, что договора толком не читала, потому что служитель фонда заверил её в полной безопасности.

— А что, там может быть что-то плохое?

По её лицу было ясно: готовое обвинение сейчас только захлопнет дверь. Мы показали подозрительную накладную и предложили перечитать договор с независимым специалистом. Она согласилась, но попросила не говорить отцу, пока сама не разберётся. Гранн поддержал её.

Когда мы уходили, я спросила его, почему он так спокойно относится к людям с медальонами, хотя сам отказался возить фонд.

— Потому что человек, которого обманули, от этого не становится глупым, — ответил он. — И потому что я не могу требовать от каждого прожить мою жизнь вместо своей.

Я записала его слова на полях. Потом подумала, что если начну собирать все здоровые мысли местных мужчин, скоро придётся нанимать отдельную библиотеку. К сожалению, некоторые из них были слишком хороши, чтобы отмахнуться.

Лорен нашёл нас у ящиков. Остановился на пороге и внимательно рассмотрел вскрытую пломбу.

— Кто это сделал?

— Видите, Гранн, — сказала я, — некоторые мужчины начинают знакомство с комплимента, а другие с допроса.

— Если пломба подлинная, её разрушение даст фонду повод потребовать складскую проверку, — продолжил Лорен.

— Я всё сделаю заново, — спокойно ответил Гранн. — Пломба моя, ответственность тоже. Ника здесь только смотрела.

Раздражение кольнуло сразу: я и сама могла отвечать за себя. Но Гранн действительно был хозяином склада, а я всего лишь пришла помочь в чужое хозяйство. Лорен выслушал его, сверил номер и предложил способ зафиксировать находку, не разоряя дело.

Пока они спорили о печатях, я взяла образец обёртки. Когда вернулась, оба мужчины уже успели признать друг друга компетентными и перестали хмуриться. Как скучно. Я ожидала по меньшей мере дуэли, а получила профессиональный разговор.

На выходе Гранн предложил отвезти меня до трактира.

— Можешь ещё раз улыбнуться таможеннице, если скучно, — добавил он.

— Могу. Но тогда тебе придётся платить штраф до конца жизни.

Он рассмеялся. На одном клыке белел скол. Я спросила, откуда он. Гранн рассказал, что в детстве упал с забора, потому что пытался подсмотреть за чужими козами. Я смеялась всю дорогу, пока он не поинтересовался, готова ли я рассказать свою самую глупую историю.

На ум пришла яма в Петербурге. Я сказала только, что однажды так сильно хотела перемен, что ухитрилась упасть на них головой. Гранн не понял, но обещал выслушать подробности за ужином. Обещания в ответ я не дала. Хотелось, чтобы он позвал сам.

Глава 12. Благотворительность со вкусом сахара

Я явилась в лечебницу Зеркального фонда с корзиной булочек и лицом примерной добровольщицы. Корда помогла испечь их утром и три раза велела не пропустить момент, когда тесто поднимется. Я пропустила дважды, но третья партия получилась на удивление красивой.

В лечебнице пахло мылом, сухими травами и свежим хлебом. У входа сидели дети с перебинтованными руками, пожилые люди, рабочие с ушибами. Милая женщина в голубом переднике распределяла их по комнатам. Она устала так, что едва держалась на ногах.

Я собиралась прийти, устроить скандал, разоблачить мерзавцев и получить моральное удовлетворение. Реальность выдала мне воду, полотенца и просьбу донести чистое бельё в дальнее крыло.

— Вот вы зачем к нам и пришли, да? — спросила медсестра.

— Ну... вообще-то у меня были вопросы.

— Вопросы потом. У нас трое пациентов не ели с утра.

Я понесла бельё. Потом резала хлеб. Потом держала руку девочке, которой перевязывали колено. Устроить в помещении бардак было бы самым лёгким делом; люди и так трудились на пределе, только чтобы сохранить видимость порядка.

В середине дня я познакомилась с Мирой Вейр. Она стояла у стола лекарств и помогала старому мужчине разбирать записанные назначения. У неё были тёмные волосы, почти как у Лорена, и такая же привычка приподнимать подбородок перед возражением.

— Вы родственница договорника? — спросила я.

— Если вы про Лорена, то сестра. И сразу предупреждаю: здесь не место для его кампании против фонда.

— Я пришла с булочками.

— Тогда поставьте их сюда. Пациентам приятно, когда их помнят.

Она говорила резко, но с больными была терпеливой. Одной женщине трижды объяснила, что лекарство надо принимать после еды, другому принесла тёплое одеяло. На шее у Миры висел медальон фонда. От него исходила та самая неприятная ровная нота.

— Он помогает? — спросила я, кивнув на серебряный кружок.

Мира коснулась его.

— Я перестала просыпаться с приступами ужаса. Раньше иногда не могла выйти из дома. Теперь могу работать. Если мой брат хочет забрать это у меня, скажите ему, чтобы попробовал сам провести хоть одну ночь в моём состоянии.

Я не нашла удачной остроты. Да и не нужно было. Я видела перед собой женщину, которая искренне верила: медальон сделал её жизнь возможной.

— Я не собираюсь у вас ничего отнимать, — сказала я.

— Хорошо. Тогда возьмите ещё бельё.

Чуть позже меня отправили помогать в отделение для тех, кто восстанавливался после долгих болезней. Там стояли узкие кровати, на столиках лежали книги, а в углу сидел старик с большой деревянной тростью. Он пытался самостоятельно встать, но каждый раз неуверенно возвращался на матрас.

— Принести лекаря? — спросила я.

— Не надо. Я хочу дойти до окна.

Я пододвинула стул, чтобы было куда сесть по дороге. Он попробовал встать ещё раз. Мы двигались по полшага, и за эти несколько метров стало ясно: его задача сложнее многих моих магических подвигов. У двери старик выдохся. Я предложила остановиться. Он упрямо уставился на окно.

— Ещё немного, — сказал он.

Мы дошли. Он сел у стекла, через которое было видно небольшой сад, и долго молчал. Потом рассказал, что два месяца назад даже не мог поднять руку. Лекарства фонда действительно помогли. Его дочь продала украшения, чтобы оплатить первое лечение, пока лечебница не дала бесплатное место.

— Вы им благодарны, — сказала я.

— Конечно. Разве можно иначе?

Старик явно решил, что вопрос странный. О поддельных клятвах я промолчала и спросила, знает ли он, какие чары применяли в лечении. Он перечислил несколько процедур и признался, что на остальное не обращал внимания: когда тебе больно, мало интересуешься мелким шрифтом.

В коридоре медсестра объяснила, что у фонда есть настоящие врачи и честные расходы. Многие работники даже не знают о скрытой системе. Поэтому разрушить всё одним ударом — значит оставить без помощи тех, кто никогда никому не причинял вреда.

— А зачем тогда медальоны? — спросила я.

— Говорят, помогают сохранять спокойствие. Сначала их назначали только после тяжёлых потрясений. Потом стали раздавать чаще. Я не уверена, что это правильно, но моего мнения в управлении никто не спрашивает.

Она произнесла это без пафоса, и мне стало неловко за собственную привычку сваливать весь фонд в одну удобную кучу. Я попросила записать, какой отдел отвечает за медальоны, и пообещала не называть её имени без разрешения.

В соседней палате маленькая девочка раскрашивала лист с цветами. Увидев мои уши, она немедленно спросила, умею ли я превращаться в птицу. Я ответила, что пока только в безответственного взрослого, и это получается отлично. Девочка рассмеялась, потом попросила показать, как уши поворачиваются. Я несколько раз прислушалась к шуму за окном, и они послушно шевельнулись. Она была в восторге.

— А мои так смогут?

— У тебя свои чудеса. Например, ты умеешь красиво рисовать цветы. Я так не умею.

Она подарила мне рисунок с огромной синей птицей. Под ним было написано: «Для ушастой сестры». Я аккуратно сложила лист, спрятала в сумку и решила отнести его в трактир, чтобы повесить возле стойки.

Когда за дверью послышались шаги Велиссы, я ещё держала рисунок. Вот почему её любили: здесь старик снова учился ходить, а девочка смеялась после тяжёлой болезни. Всё это было настоящим. Тем опаснее становились условия, спрятанные за помощью: благодарность не должна была отнимать право сказать «нет».

Позже в лечебницу вошла Велисса Арманд. Я узнала её сразу: портреты висели у входа, правда, художник явно старался придать её лицу побольше материнской мягкости. Вживую она была стройной, безукоризненно одетой эльфийкой с серебристой заколкой и спокойной улыбкой. Никто перед ней не вытягивался по стойке смирно. Пациенты просто здоровались, называли имена, просили помочь с оплатой лекарств. Она выслушала троих и каждому ответила по существу.

На миг я даже усомнилась, та ли перед нами подозреваемая.

— Эллира, — произнесла Велисса, подойдя ко мне. — Или вы предпочитаете другое имя?

— Ника.

— Какое интересное имя. Вы здесь помогаете?

— Пока что таскаю полотенца и стараюсь не устроить пожар.

— Прекрасная стратегия. Мы уже теряли одну прачечную из-за неправильно хранившейся соли.

Она говорила с лёгкой иронией. Я не ожидала от благотельницы такого чувства юмора и растерялась ровно на секунду.

— Вы не хотите работать у нас? — спросила она. — Нужен слухач. Хорошая оплата, жильё, возможность путешествовать.

В моей голове немедленно возникли серебряники, собственная комната и винный погреб. Я спросила сумму, не пытаясь скрыть интерес. Велисса назвала цифру, за которую я могла бы месяц жить в трактире, ничего не делая, и ещё купить самые красивые сапоги на рынке.

— А что слушать? — спросила я.

— Ноты согласия. Нам важно, чтобы помощь получали только желающие.

От безупречной формулировки меня передёрнуло. Фальши в голосе Велиссы не было. Возможно, она сама верила в свои слова. Это пугало сильнее.

— Подумаю, — ответила я.

— Конечно. Свободное решение требует времени.

На выходе медсестра сунула мне в карман пирожок. Сказала, что я помогла больше, чем многие богачи с обещаниями. О тайном расследовании я промолчала. Взяла пирожок, пожала ей руку и вышла с раздражающим ощущением недосказанности: самое важное по-прежнему оставалось за закрытой дверью.

В трактире я встретила Лорена.

— Мне предложили работу с отличным жалованьем, — сказала я, бросая плащ на спинку стула. — Думаю, соглашаться ли.

— Кто?

— Велисса.

Он перестал перелистывать бумагу.

— Не делайте этого.

— Может, вы сначала спросите, что предлагают?

— Не имеет значения.

— Вы опять решаете за меня?

Лорен открыл рот, потом закрыл. В этот момент я увидела на его лице что-то, чего раньше не замечала: страх, слишком личный для профессионального спора.

— Мира там работает, — сказала я уже тише. — Она сказала, что фонд ей помог.

— Я знаю, — ответил он. — Поэтому и прошу быть осторожнее.

Он ушёл прежде, чем я успела придумать, как помириться после ссоры. На столе остался пирожок, который я принесла ему по дороге и забыла отдать.

Вечером доставили маленькую коробку. Внутри лежала серебряная серьга с камнем, точно подходящим к проданному в первый день кольцу. На записке красивым почерком было выведено: «Чтобы ваш слух никогда не оставался без защиты. В. А.»

Я долго держала её на ладони. Не надела. Но и не выбросила.

Глава 13. Как молчат чужие уши

Трёхдневное соглашение с Палатой уже закончилось. Я согласилась продолжить занятия за отдельную дневную плату и с тем же правом уйти без магической клятвы.

— Вы знаете разницу между ложью и ошибкой? — спросил Лорен.

— Лжецу хочется дать по голове, ошибившемуся — иногда тоже.

— Блестяще. Однако мало пригодно в суде.

Мы сидели в задней комнате Палаты. На столе лежали листки с печатями, у стен стояли шкафы. Я пришла с опозданием, потому что Корда попросила помочь перенести мешки муки, и теперь Лорен делал вид, что вовсе не смотрит на белое пятно у меня на плече.

— Первый случай, — сказал он. — Торговец утверждает, что его товар подорожал после шторма. На самом деле цены не менялись. Что вы услышите?

— Фальшь.

— Если он сам уверен в том, что цены изменились?

Я пожала плечами.

— Уверенность не делает товар дешевле.

— Но волевой подделки нет. Наш слух ловит расхождение между данным обещанием и тем, что человек намерен исполнить. Он не сообщает объективную истину.

В записанной клятве торговца не было главного — гарантии, что человек не ошибается. Мой вчерашний вывод «Велисса не врёт» вовсе не означал «Велисса безвредна». Она вполне могла считать свои планы прекрасными. Искренне.

— Ладно. Ещё пример, — попросила я.

Лорен достал бумагу о продаже маленькой лодки. В ноте слышалась чистота, но в описании отсутствовал пункт о дыре в днище.

— Он сказал, что лодка сделана из прочного дерева, — объяснил Лорен. — Правда. Не сказал, что после столкновения с причалом она течёт. Тоже его право, если вопроса не задавали. Моральная сомнительность не всегда совпадает с магическим подлогом.

— У вас опасная профессия. С таким количеством уточнений и поцеловаться нельзя.

— Для поцелуя достаточно более краткого согласия.

Я замерла. Он тоже, кажется, понял, что произнёс. Затем с невероятной поспешностью принялся раскладывать листы. Я улыбнулась и очень хотела подколоть его, но сдержалась: момент был слишком редкий.

Глушитель из купленных материалов Агата к этому времени уже собрала, но испытание вышло скромным: он мог на короткое время заглушить только один медальон и быстро нагревался. Для массового отключения не годился, зато доказал, что внешний сигнал можно временно отсечь.

В перерыве Агата принесла защитные кольца для ушей. Мягкие металлические ободки надевались у основания, приглушая резкие колебания. С виду украшение. На деле — спасение для перегруженной головы. Она предложила проверить их на городской площади.

Мы шли между прилавками. Сначала я слышала всё: ругань торговцев, топот лошадей, соседскую песню из окна. Потом повернула маленький винтик и вдруг смогла сосредоточиться на разговоре рядом, не отвлекаясь на гул колокола.

— Работает, — сказала я.

Агата на секунду закрыла глаза от облегчения.

— Только не крути до упора. Если перегрузишь, кольца начнут звенеть сами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.